

Сергей Катков

ПЛАНЕТА МЕЛАНХОЛИЯ

1.

Погода, по местным меркам, пока поезд не покинул равнину, стояла сказочная, до невозможности схожая с кукольно-театральной мизансценой первых заморозков октября, местами, правда, подпорченная следами недавнего укромного дождя. Словно получили на руки свежее подарочное издание, а оказалось, если полистать, тут и там торчат черные грязевые пятна. Вертова смущало не это. Он ехал в поезде, пил чай, спал, изобретал каверзные вопросы, которые ему подбросят специалисты, остроумно отшучивался и отправлял в ответ порцию собственных.

Ехать Вертову не хотелось. Анна зависела от настроений, была беспомощна перед своими одиночествами, тревожно оставлять ее так, хотя бы и с детьми. Он подумывал ходатайствовать перед шефом, чтобы взять ее с собой. «Да? — сказал бы на это ехидно Шевцов. — А ну-ка без шуток! Поезжай-ка ты, голубчик, к своему Бостромову один. И чтоб без приключений». — «Туда и обратно. И без приключений», — отрапортовал бы Вертов.

Ласковое название, нечто вроде «ах ты, бедный-бедный мой, бедоватый бедолага бедуинушка», относилось к поезду, целому каравану, нетерпеливо фыркавшему на подходах к станции, где стоял Вертов в окружении багажа, поминутно сверяясь с часами. «Бедуин», единственный в западном полушарии именной поезд-караван, курсировал между равниной Амазония и плато Меридиана, описывая прогибавшуюся к югу петлю длиной в двенадцать тысяч миль. Поезд оставлял малонаселенную область Фарсида, спускался в долины Маринера, которые местные называли попросту Каньоном, выбирался из них и через землю Ксанфа уходил на север к равнине Хриса. «Бедуин» сбрасывал скорость, закладывал большую дугу, лавируя между городками и колониями на плато Меридиана, чтобы окончательно

повернуть на юг. Оттуда, касаясь земли Ноя, земли Аонид, плато Икария, плато Делалия, возвращался на север и наконец замыкал петлю, оставаясь в виду Аполлоновой патыры. Каждый раз дорога, тут и там отмеченная сотней разномастных станций и полустанков, прибавляла к жизни поезда с десятков суток.

«Бедуин» опаздывал. За спиной, в нескольких километрах по плоскогорью, виднелись торчащие в небо конструкции, откуда Вертова привезли час назад, оставили на морозном перроне, где уже пересмеивались худющие, щетинистые пассажиры, с куполообразными головами, по которым сразу узнавался местный в третьем-четвертом поколении. Они дошучивали вчерашние разговоры, перекуривались, прижимаясь сигаретами, у одного за спиной громоздилась гитара. С виду — геологи.

Геологическая партия, переселявшаяся из Ацидалиийской равнины, составила из полутора десятка человек, разбросанных по вагону. Через плацкарту ехал историк, сочинявший прямо по ходу поезда и зачитывавший вслух постапокалипсис, в котором толпа, проповедник и мальчик шли к подземному раю, спрятанному для них предыдущей эпохой. Они считали, что это бункер изобилия, тогда как на самом деле приближались к источнику конца — Большому адронному коллайдеру. Из него учеными-недотепами была упущена микроскопическая черная дыра, выскочившая за пределы лаборатории и сгрызшая пол-Европы. Такая была фабула, опоясанная массой достоверных краеведческих фактов о земных нравах двухвековой давности.

Через три дня поезд-караван достигнет горы Олимп, выгрузит геологов с оборудованием и, огибая вулканический гигант, гроыхая, уйдет к равнине Амазония, где Вертова встретят и снова куда-то повезут.

Вертов отражался в вагонном окне, за которым смазывались пустынные ацидалиийские пейзажи с утренним инеем на мхах и плюще, и никаких приключений, тем более во внештатной командировке за сто сорок миллионов невесомых миль по делам скорее воображаемым, чем насущным, ему не хотелось.

На станцию поезд прибыл ночью, подождал, пока пассажир вышел на платформу, и, тихо гремя, исчез под мягким чужеземным небом. Настоящий поезд-караван, светящийся городом окошек.

В прохладном необжитом бездорожнике, который вел длинно-сутулый водитель из местных, Вертов быстро задремал. Дорога спу-

стилась в карликовый лес, потом сквозь сырые предутренние часы появился горный серпантин, эскалатором забравший авто в леденеющее небо, и, наконец, из тумана вышел голый каменистый холм со «Стилоботом» — все это продолжало видеться в каком-то изжитом, выморочном полусне, уставшем от путешествия. То и дело мелькали участки памяти: отражения в окне поезда, геологи, неясный разговор в прокуренном тамбуре. Был только шестой час, и Вертов, попав в обсерваторию, глотнув холодного чаю, обернулся в одеяло и, с обувью завалившись на диван, уснул в кабинете руководителя проекта, Бостромова, который его не встретил.

2.

Поезд-караван, держась экватора, неспешной полуторакилометровой змейкой проглатывал пассажиров, ожидавших на станциях: торговые городки, старательские поселения, частные владения промышленников, фабрики, виллы, предпринимательские общины, даже коммуна «независимого пророка Лукьяна Ливокумского». Многие основаны не так давно, в пределах нескольких десятилетий. В основном, по частной инициативе. Городок Галилей, что недалеко от одноименного кратера в Ацидалийской равнине, был первой марсианской колонией. Почти такой же древности были научные станции, а теперь города Скиапарелли, Сирт, Утопия и другие, аккуратно следовавшие марсианской топографии. Запыленный железистой охрой, «Бедуин» снова и снова поворачивал на север и юг, избегая едва завидневшуюся чашу кратера.

Марсианские сутки на полчаса длиннее земных, но, по земным меркам, окончательно здесь так и не рассветало: Солнце, словно лампочка, на которую пожалели тока, выдавало в самый яркий полдень две трети от света на Земле. В такой час, обвеянный ветрами по густым травам, свет словно стоит на пороге вечера — так казалось недавно прибывшим.

Далеко в космосе, на расстоянии трехсот марсианских радиусов, оберегая планету, двести лет работала магнитная защита, отводившая солнечную радиацию. Магнитные диски вращались на орбите, наделяя планету собственной магнитосферой. Когда солнечный ветер

и космическое излучение перестали сдувать атмосферу, как это было миллиарды лет, над полюсами ввели в действие зеркала-оригами диаметром по сто пятьдесят миль. Свет от них разогрел купола планеты. От парникового эффекта из почвы пошел метан. Тогда, в конце двадцать первого века, в районе кратера Галилей ютилась единственная колония. Горстка людей, прячась от радиации, осваивала пещеры и подземелья, встраивая в них замысловатые, многоуровневые галереи. И это был первый человеческий век. И век был пещерный.

Планету заселили бактериями, старательно добывавшими из минералов метан и аммиак, дополнительное топливо для разогрева атмосферы. В первые же десятилетия, когда резко потеплело, но радиация еще смертельно жалила счетчик Гейгера, облака уже отражались в ручьях и речушках с задумчивой, еще пустой водой.

Побеждая радиацию и создавая атмосферу, люди вышли в мир, наполненный будущим. И это был второй человеческий век. И век был растительный. Гравитация, чуть больше трети от земной, испытывала земные растения, которые росли быстрее, но мельче своих предков. Хорошо приживались мхи, карликовые деревца, изменившиеся до неузнаваемости и через полвека покрывшие равнины, богатые смектитом — минералом, жадно впитывающим воду. Неожиданно показали себя плющи: став в кулак толщиной, они деревенели. Травы разрослись за пределы оазисов, «территорий обводнения», в них подселили кузнечиков, сверчков и мучных червей — питательных, богатых белком насекомых. Рацион первого поколения переселенцев состоял из элементов азиатской кухни.

А планета словно ждала тепла, защиты от радиации, и ответила на это теплым климатом. И это был третий век, растянувшийся на сто человеческих лет. И был век деревенский. Терраформирование превратило Марс в уютную, тихую планетку, уменьшенную, одомашненную копию Земли, на которую потянулись первые караваны переселенцев. На месте антарктического и вулканического пейзажей вблизи экватора вспыхнул цветущий пояс, воспроизводя в памяти местности Тосканы, скалистые террасы Корсики и Сицилии. Суровые марсианские виды, сродни ландшафтам Дикого Запада, Марокко и долинам Гренландии, встречались ближе к полюсам. Тех, кто летел сюда с билетом в один конец, не пугали длинные, меланхоличные зимы в двенадцать месяцев, ведь и весна-лето тоже длилась почти бесконечный земной год. Гуляя,

бегай босиком по песку, валяйся в травах, купайся в озерах, слушай, как эхо предгорий отражает треск насекомых, пение и перекличку птиц. Долгое, сказочное, как жизнь детской души, марсианское лето, стало для землян символом скромного рукотворного рая. Степной мир, свободный от крупных хищников, где в травах прячутся и снуют насекомые, рептилии, грызуны, самая разнообразная нелетающая птица, где посреди засеянных полей изредка встретится отключенная полвека назад кислородная подстанция, или почвенный «шагающий завод», или «фабрика воды».

Каждый шестой поселенец — потомственный житель Нового Марса, узнаваемый по длинному черепу, стройному телу, тянувшемуся за двухметровую отметку.

Но все же какая медленная, скудная и бледная по сравнению с Землей планета. Самые крупные города — и те не больше деревни, окруженные садами, перелесками, озерами. Планета Меланхолия.

3.

Елена, 29 лет, художница.

— Почему вы прибыли на Марс?

— Еще до моего рождения было решено. Я наследовала часть земель к югу от Гершеля. Предки со стороны дяди арендовали «шагающий завод», обрабатывали пахотные земли. Потом приобрели озеро и реку. Своя река! Утекающее сокровище! Недавно я целый месяц путешествовала по поместью, много рисовала. Скоро будет выставка в Гершеле. А через год Лондон, галерея Тейт. Дни марсианской культуры, биеннале. Обязательно приходите... И еще: представьте эпоху Возрождения, при моих сокровищах я была бы настоящей герцогиней. С виллами и замками.

— Вернулись бы обратно?

— Нет... Только на выставки. А так, думаю, что нет.

Йолн Макс, 47 лет, бизнесмен-изобретатель.

— Почему вы прибыли на Марс?

— Знаете, это мечта детства... Это просто фантастика... Это сказка... Вырваться из земного тяготения и... преодолеть космическое ничто... И потом увидеть все это... Фантастика... Больше ничего не могу сказать.

Алекс Вертов, 35 лет, ученый, лингвист-программист.

— Почему вы прибыли на Марс?

— Изучение диалектов местных племен, их условно называют бедуинами. Бедуинский язык... так, наверное, правильно... Диалекты бедуинского языка... Это командировка. Я тут временно. Пару месяцев, не больше... Знаете, здесь интересное смешение языков, очень интенсивная, необычная пиджинизация. Китайский смешивается с итальянским и английским!.. Но в основном старая добрая ассимиляция испанского арабским. Как играет история, вот ведь...

4.

«Стилобат» стоял как крепость — бетонно-лысый, обтекаемый лоб здания, выдвинутый субмариной. Строители вознесли его на самую высокую точку долины: мощный холм, уединенный, обрытый пустотой недосыгаемости. По легенде для местных, это была обсерватория. Там якобы засели астрономы, физики, всякие мозголомные «ботаники», исключительно прибывшие, ученая лимита с Земли. «Стилобат» — закрытый, маскирующийся под местность артефакт. На пропускном пункте — вышки с поникшими прожекторами. Объект режимный, обнесенный у подножия колючей проволокой и знаками радиоактивной опасности. Под плитой «Стилобата» зарыт бессмертный зверь — ядерный реактор.

Бостромов появился часа через полтора. Он устроился на стуле рядом с диваном, где Вертов по детской привычке загерметизировался в кокон одеяла, и теперь сидит, листая страницы отчета. Когда Вертов, наконец, зашевелился, он, не отрываясь от бумаг, лениво продекламировал:

Я встретил тебя впервые в чужих для тебя широтах.

— Как спалось, Вертумн?

Бостромов был худой, черноволосый настолько, что угреватая сыпь щетины казалась гигиенической пощечиной смотревшему на него, очень высокий, очень изможденный, сильно мимикрировавший под местных, но все-таки очень земной сукин сын.

Вертумн вылез из-под одеяла и улыбнулся. Ладони двух старых друзей склешились в рукопожатие. Александр Вертов был отчасти специалист по компьютерному моделированию, отчасти математик, уступавший во всем этом Бостромову, но, главным образом, блестящий лингвист, знаток нескольких европейских и азиатских языков, единственный в своем роде. Государство просто так не станет оплачивать билет в оба конца. Вертов был гений языковой дешифровки. В юности его испытывал почти нездоровый, вывернутый наизнанку бес проблемы времени, вообще возможности его существования, поэтому прозвище «Вертумн», имя древнеримского божества-попечителя времен года, вполне закономерно обыгрывало его фамилию. Вертов-Вертумн вертелся своими языковыми способностями и к двенадцати попался в школу-пансионат для одаренных детей. Ник, Николай Бостромов был для него больше, чем друг. Оба они, сироты, вышли из детского приюта, вместе попали в пансионат для вундеркиндов, вместе вошли в науку. Бостромов в какой-то момент откололся и стремительно опередил его, очень быстро пробился в руководители, организаторы научного прогресса.

Они учились в параллельных классах в этой своей спецшколе для умников, вырастившей не одно поколение «золотой молодежи». Только они оказались как раз из простых. Вокруг были сынки министерской элиты, и их дружба нашла еще одно применение: спина к спине дружить против них. Ник, в отличие от разговорчивого друга-острослова, прожил школьную жизнь замкнутым молчуном, предпочитая любой язык общения компьютерному. Он как-то незаметно начал взрослеть и разбираться в своих головоломных кодах, когда стало известно, что после школы он уходит напрямиком в засекреченный вуз, откуда спецслужбы набирают кадры для технических подразделений. Когда Вертова на четвертом курсе пригласили зайти во «второй отдел», он с удивлением узнал, что рекомендован Бостромовым. Что тот уже давно дружит с этими «секретными людьми». И имеет среди них вес. Тогда-то Вертумна и стали привлекать в помощь тихоне Нику. Они решали зубодробительные задачи по дешифровке языковых кодов, сочиняли трехэтажный синтаксис шифровок, основанный на глаголах, которые, в зависимости от ключей, мутировали в другие части речи и превращались в ключи для шифра второго уровня.

Первая поездка Алекса по запросу Ника была на пятом перед самой защитой. Ник стажировался в научно-исследовательской конторе на Кавказе. Горы, засушливое раннее лето. Ночные разговоры о будущем.

Колорит местных языков, заложенных в код и приведенных в цифру для игрально-шифровальной задачи.

Потом уже начались рабочие командировки. Его отпускали без вопросов. Все расходы за счет государства. Бостромов кочевал в мире науки, останавливаясь в разнообразных шарашках. Суровел и мужал. Поднимался и что-то возглавлял. Подчинял и изобретал. Каждый раз выхватывая своего старого доброго Вертумна из преддверия новой жизни. То призовет накануне защиты первого проекта, то выхватит перед долгожданным повышением. И вот теперь тоже, чувствовал Алекс, это будет очередная покровительственная кража.

Бостромов провел Вертова по узким коридорчикам, таким тесным, словно только под конец строительства спохватились и выточили в литой башне ходы. Сотрудники перебежали по ним, бессознательно задерживая дыхание. Вертову просторное помещение с низким потолком сперва показалось цехом завода. Рабочие места, подсвеченные мониторами, словно ночной лес с равномерно разбросанными кострами. Лаборатория Бостромова — светлое овальное помещени с креслами, стеклянным столом — приподнятый экран проекционного компьютера.

Бостромов вводил в курс дела неспешно, справляясь о дороге, о том, как Алексу показался Марс, вспоминая что-то из общей, уже далекой юности.

— Как твои штудии относительно времени?

— Остались в форме прошедшего, — скаламбурил Вертов, вглядываясь в худое, очень сильно удлинившееся с момента их последней встречи лицо Ника. Признак волевого характера обозначился еще резче: короткий рот сократился до минимальной черточки, способной выдавать приказания и сжиматься в момент принятия решения. Бостромов был главой «Стилобата», и дела здесь творились непростые.

Ядерный реактор, с которого Ник начал рассказ, задумывался еще в эпоху первоначального терраформирования. Равнина Амазония была удобным для колонии местом. Научному городку, а в перспективе и всей равнине была необходима энергия. Транспортная инфраструктура предполагала скрестить железнодорожные ветки недалеко к северу. Все это планировалось запитать на атомную стан-

цию. Международное участие намечалось всемерное: сотрудничество, обслуживание станции, использование атомной энергии. Однако смета только реактора оказалась громадной. Проект обкорнали и отдали подрядчику, строившему маломощный мирный атом. Место действительно было удачное. Перекрестие «зон обводнения». Хорошая почва, мягкий климат, живописная равнина с небольшими речушками, к югу в Аполлоновой палате через несколько десятилетий заплещется большое озеро. Здесь возникнут поселения. «Место силы» в сочетании с богатым туристическим потенциалом. Но темпы заселения и терраформирования были неспешными. Стройку окружала нехоженная степь, которую не мог оживить редкий одинокий грохот поезда-каравана: железнодорожную ветку выгоднее оказалось проложить восьмьюдесятью милями севернее.

Реактор, еще далекий от своих пиковых мощностей, приспособили для обслуживания многофункциональной научной станции, не такой большой, как предполагалось сперва, но и более дешевой. Покупателем выступило частное космическое агентство, а на самом деле подставной посредник.

Бостромов сделал паузу, пытливо посмотрел на Вертова. Предложил чаю. Отсутствие окон в лаборатории усугубляло ощущения секретной субмарины, которая, приняв в себя пассажира, вибрируя атомным чревом, погружалась в реголиты планеты, уходила таинственным курсом, которым руководит Бостромов. Он продолжил.

— Помнишь, как мы мечтали о будущем? Что в политике наступит такой прогресс, когда не станет самой политики. Что исчезнет необходимость государства, что мировая экономика направится на сотворение будущего, а не на наживу. Помню разочарование, когда мы, взрослая, понимали, что человеческой природе за техническим прогрессом не поспеть, что с эпохи палеолита, может быть, ничего в ней так и не сдвинулось.

— Это были очень наивные представления. Ты же понимаешь, юношеский максимализм. Стремление к социальной справедливости, — сдержанно усмехнулся Вертов. — Ничего не меняется, как понимаешь. В общественном мироустройстве. В природе человеческой души.

— Я думаю, мы были не совсем неправы.

— Ну, что-то в этом было, конечно. Смехотворное невежество. Революционный пыл.

— Да-да... — Бостромов снова пристально посмотрел. Его глаза, лукавые оливки, блеснули, уменьшаясь в прищуре. — Но хочу сказать, что, почти не отрываясь от реальности, мы, в общем-то, теперь все можем изменить. Сделать, как мечтали.

— Да? — неопределенно спросил Вертов, опуская глаза.

— Самым важным из искусств, как понимаешь, для власти останется искусство управления массами. Будущее искусственного интеллекта переоценено. Человеческий ресурс — единственная энергия, которую власть будет ковать и перековывать.

Вертов внимательно следил, как играет хитрый прищур глаз Бостромова, повзрослевший и ожесточившийся за десять лет.

— Ну так вот... Начиная с покупки проекта реактора, когда еще было неясно, для чего он пригодится, заканчивая сегодняшним моментом, государство занималось на Земле, а теперь и здесь, в «Стилобате», самой непосредственной своей деятельностью. Конструированием реальностей. Здесь полигон самой передовой политической мысли. Прикладная политическая аналитика.

— Но почему здесь? — был первый вопрос Вертова.

«И причем тут я?» — хотел он продолжить. Но реакция Ника оказалась вялой и раздражительной, и Вертов смолчал. Глупый вопрос.

— Ну, почему... Что за вопрос... Кто тебе в наше-то время на Земле даст отгрохать аналитический центр на полтораста сотрудников, с такими вычислительными мощностями, который только тем будет заниматься, что вычислять внешнюю политику других государств. Проверками замучают, дорогой мой. Уж я-то знаю. Это же государственный шпионаж в чистом виде. Международная Организация Политического Равновесия. Союз Наций. Конвенция Дипломатов за Открытую Политику. Не говоря уже о Комиссии Контроля за Виртуальными Симуляциями. — Бостромов махнул рукой, подошел к столу. Пробежал пальцами по стеклянной поверхности компьютера. Над ней выросла трехмерная схема «Стилобата». Группы помещений окрашены разными цветами.

— Здесь, — он показал на синий блок, — серверный фундамент. Такие вычислительные мощностя, каких на Земле нет. Вот так, чтоб вместе собрано? Нет, нету. Залито криогенным раствором. Выше — центр математической обработки, интерпретации данных. Здесь, — оранжевый сегмент сбоку здания, — центр визуализации. Это, мой дорогой, я тебе скажу, такая вещь! Может, ради нее и надо было все это затеять.

— Я тебе зачем? — веско спросил Вертов, встав напротив голограммы, уперев руки в стол.

— А вот это... вот это... — Бостромов игриво покачал головой и заулыбался. — Вот это хороший вопрос. Ты, батенька, затем нужен, чтобы объяснить, какого черта мы тут натворили.

5.

Прообраз «Стилобата» замыслился еще полвека назад.

В политической игре, как показывает история, необходимо муторное долготерпение. Когда существует ограниченный набор фишек и ходов, разыгрываемые партии повторяются до бесконечности. Требования к игрокам возрастают, остаются искушенные и изощренные участники. Остальные между раундами безжалостно выдавливаются с ринга. Цена игры — выживание. Ничего нового за столетия в условия игры введено не было. Борьба за ресурсы, сферы влияния, рынки сбыта. Продолжает играть тот, кто умеет лавировать между союзниками, «партнерами», конкурентами, с которыми надо научиться танцевать смертельное самбо, вцепиться в загрибок и, набрав энергию вращения, выбросить за пределы татами. Враги оборачиваются стратегическими партнерами, чьи гособлигации выгоднее покупать, а не саботировать. Набирает фишки тот, кто манипулирует потребительскими желаниями. Формирует электоральное мнение.

Экспериментировать с виртуальными политическими реальностями стали с начала двадцать первого века. Компьютерные ресурсы первого госпроекта, запущенного в Северной Корее, отрабатывали наступательные стратегии в условиях ядерного противостояния ведущих держав. При помощи виртуальных прогнозов корейцы заключили ряд удачных союзов, поспорив альянс противников и развязав в разных регионах мира отвлекающие от себя локальные конфликты. Группе хакеров, взломавших сеть северокорейского военного ведомства, пришлось рассекретить себя, чтобы доказать реальность новой катастрофы. Жесточайшими санкциями мировой общественности проект был закрыт, результаты уничтожены. Новая информационная бдительность распространилась на все государства с крупным программистским потенциалом. Теперь следили не за тем, что кто-то создает и испытывает ядерное оружие — так было раньше, — а не разрабатывает ли он

компьютерную модель глобального завоевания. Комиссия Контроля за Виртуальными Симуляциями делала подобные проекты затруднительными. Прецедент показал всю опасность новых технологий. Их предсказательная сила могла ускорить и устранить естественную тактику долготерпения на политическом ринге.

Под видом «многофункционального исследовательского центра» и был создан «Стилобат», недостижимый для Комиссии. Для международного сообщества он занимается «мониторингом и развитием процессов терраформирования», а в действительности — аналитический центр внешней разведки Российского Политического Конгломерата. Задача «Стилобата» — просчитывать варианты взаимоотношений с политическими и экономическими противниками и партнерами, воспроизводя их в масштабе и времени виртуальной реальности.

Название «Стилобат»¹ обыгрывает идею, что на едином фундаменте, из одного энергетического источника формируется архитектура как реальности, так и виртуальности.

6.

— Так в чем проблема? — спросил Вертов.

— Проблема? Проблемочка... — Бостромов смахнул изображение «Стилобата».

Неприятности с программой начинаются, когда понимаешь, что нет адекватной обратной связи. Создаешь огромный программный код, который успешно работает, решает поставленные задачи. На первый взгляд. Программа обрабатывает будь здоров, даже опытный вирмиркер не прикопается. И все же иной раз заподозришь, не изменяет ли она тебе. Может, она занята исключительно своими делами, а внутрь нее не заглянуть даже одним глазком. В этом и заключается проблема «черного ящика». И тогда возникают неуловимые сущности, теньевые миры, призраки параллельных вселенных.

Бостромов с командой заглядывал в свои «черные ящики», политические миры-симулякры, с помощью интерфейса «Монитор», подпрограммы-шпиона, независимой и незаметной для всей системы.

На серверах «Стилобата» за десять лет накопилась коллекция из более ста миров-симулякров. Виртуально воссоздавались Европейский

¹ В архитектуре — общий цокольный этаж, объединяющий несколько зданий.

Политический Союз, Азиатская Экономическая Агломерация, Единый Китай, Индонезийская Япония, Северо-Мезоамериканский Союз и остальные государства. За реальностью теперь следили на опережение.

Были две разновидности виртуальных моделей. Вирмирк (ВИРтуальный МИР Компьютерный) — развивается в темпах нашей реальности и условно считается полноценной моделью государства. Однократно задав набор параметров и периодически внося коррективы,

можно со всех сторон изучать этот политический конструктор так, будто имеешь дело с реальным государством. Из минусов: доступна только текущая ситуация. Вычислительные мощности на вирмирки выделялись средние.

Тарк — Темпоральный Асинхронный Реверсивный Конструктор — использовался для наиболее важных и изошренных задач. Его особенность — в «форсировании времени», то есть получение параметров будущего политического состояния. Симуляция затрагивает не изолированное государство, а весь мир. На это требуются огромные вычислительные мощности. Плюс возможность выбирать временной масштаб «форсирования»: в один тактовый тик процессора можно уместить недели, годы, любой временной промежуток. Тарк можно было вовсе остановить: внутри все замирало, словно на одном-единственном вселенском кадре. И для обратной связи в тарках в качестве интерфейса использовался уже не «Монитор», а «Иллюминатор».

Внутри тарков было предусмотрено необходимое число «болванок» — виртуальных граждан, к которым подключался оператор-человек — вирмиркер. Сами вирмиркеры, исследующие повседневную жизнь в симуляторе, неофициально именовали себя изящно — «ангелами». «Иллюминатор» позволял в подробностях просчитывать и визуализировать для «ангела» весь тарк. На это и уходили немислимые вычислительные мощности. В момент, когда в тарке пребывает несколько «ангелов», иногда до пяти одновременно, система перегружена невероятно, матрица сбивает самым подлым образом. По всему тарку случаются массовые дежавю, киты выбрасываются на берег, совершаются необъяснимые героические и альтруистические поступки, крестьянам являются святые.

Результат нескольких дней, проведенных в тарке, стоил месяцев работы целого аналитического центра, изучавшего данные обычного вирмирка. Интересно, что слово «таркинг» операторы не любили. Поэтому работа и с тарком, и с вирмирком называлась «вирмиркинг».

Вирмиркинг имел несколько опасных последствий. Во-первых, операторы после дюжины «хождений в тарк» теряли эмоциональный баланс. Ощущения, похожие на знакомый аквалангистам «азотный наркоз»: чувство беспричинного счастья, полноты и красочности жизни, словом, опасное для психики «затаркивание». В этом случае оператор должен прекратить «погружения». Иначе наступает вторая стадия — «вирмировая интоксикация», особенно быстро развивавшаяся, если оператор находился в тарке в момент его замедления или «форсирования». Отравленный тарком оператор перестает отличать реальность от вирмирка, реальность кажется зависимой от его волевых решений. Возможны галлюцинации, например, в виде элементов графического интерфейса посреди улицы или панель инструментов в небе. Каков весь набор последствий и возможно ли полное излечение, неизвестно — клинических исследований не проводилось никаких.

Если «Монитор» предлагал интерпретации данных на языке математических моделей, графиков, цифр, то с помощью «Иллюминатора» миры облекались в материю, «ангелы» спускались во Францию, Италию, Сирию.

— В одном тарке мы столкнулись с языковым барьером, — сказал Бостромов. — Нюансы настолько многочисленны и сложны, что изучение общей картины мало что дает. А ты даже не представляешь, насколько интересно у них там все завертелось.

— А если инициировать тарк с заранее заданными языками?

— Получилось, что тарк, о котором идет речь, с самого начала пустили на самотек. Планировалось, что немного поиграемся с настройками в пределах полутора-двух тысяч лет и переформатируем под нечто актуальное. Так вот, в пределах одного государства возник сепаратистский анклав. Это было бы не более чем любопытно, если бы в точности не воспроизводилась одна реальная ситуацию... О ней я пока не могу говорить... — Губы Бостромова сдернулись в точку. — Мы пытались моделировать ее много раз. Тщательно подбирали параметры — и ни в какую. А тут как будто само собой и один в один... — Бостромов, горько усмехнувшись, махнул рукой. — Да что там, «Иллюминатор» создавался практически под один этот тарк. Мы даже отключили с полста вирмирков, чтобы перебросить туда мощностя. Если раньше на серверную вешали табличку: «тарк номер такой-то», то теперь даже в официальной документации пишем: проект «Анчурия»².

² Название вымышленной «банановой республики» в повести О. Генри «Короли и капуста».

- А если обучить «болванку» известному языку, чтобы «болванка» стала посредником?
- Не выйдет. Чтобы обучить, нужно уже знать их язык. Получается замкнутый круг. Единственный способ коммуницировать — научиться этому ихнему тарабарскому языку самостоятельно.
- Вот для чего я тут.
- Быстро схватываешь, Вертумн.

7.

Впервые подключившись к «болванке», Вертов не испытал ничего особенного, словно спустился в обычную тренировочную Велмири (overWHELMIng REALity — превосходящая реальность), которую даже домохозяйка была способна форматировать под себя. Базовый движок, нечто вроде гончарного круга, куда нашлепывается масса программного кода и затем уже формуется нужная реальность-симулятор. К Велмири, возникнувшей в середине двадцать первого столетия, за два века изрядно привыкли, словно к универсальному домашнему животному, нещадно погоняя его каждый раз, когда реальность ставила естественные пределы, а, например, так хотелось почувствовать себя камикадзе. Инженеры проектировали и воплощали в тренировочных Велмири головокружительные проекты, бойцы спецназа отрабатывали действия при штурме, астрофизики эмулировали экстремальные условия гравитации и радиации разных планет.

Вначале ее посчитали чудом, выдав карт-бланш огромного доверия. Но, будучи грандиозной нейронной сетью, выпечь эта чудо-печка принципиально нового не смогла. Как программисты ни старались, как ни называли ее «искусственным интеллектом» — сначала «условно-искусственным», — внутрь нее не спроецировалось даже отдаленного намека на ткань человеческой души. Потому-то Бостромов так скептически отзывался о потугах создать настоящий искусственный интеллект.

Где-то через неделю «хождений» Вертов стал понимать, что природа тарка Анчурия затаила нечто прекрасное, различил в ней оттенки переменчивой женственной натуры. Дело было не в огромном многообразии подвижной жизни и реалистичности ее исполнения, Анчурия,

случайный привесок игры, действовала сама по себе, возникшая ни для Вертова, ни для иного «ангела»; в ее основе сбраживались алгоритмические просчеты и фантомные вероятности, помноженные на допущения, дисбалансы.

Возникшая случайно, она стала домом для бедуинов, для «ментальных фараонов», для Аллеха — мальчика-сектанта в сепаратистском анклав, «ангельской болванки». Вертов выбрал Аллеха, тихого пятнадцатилетнего бедуина — немого то ли от рождения, то ли в результате несчастного случая, — из-за его неприметности и речевого порока. Почти все в истории этого анклава и его жителей было неясно. «Бортовой журнал» вирмирка забросили почти сразу после запуска. Никакой документации не было. Вирмиркер Левкоев, набросав условия и параметры буквально на коленке, оставил ее на самотек, не включив даже автоматическое логирование. Через два месяца, заметив уведомления, что на сервере заканчивается свободное место, он вызвал «Монитор» просчитать для разных локусов набор «параметров выживания». Когда через двадцать часов они все еще вычислялись, вирмиркер занервничал, а через сутки команде «Стилобата» предстала новая планета, вызревшая жемчужиной в створках серверов.

Та Анчурия, которую застал Вертов, была, конечно, специфическим местом. Во многом схожая с Землей, она тасовала эпохи, смешав, переворотив технологии и историческую логику.

В мозаике анчурских народов выделялись, например, те, кого называли «китайцами»: высокие голубоглазые блондины, один в один чистокровные арийцы, в национальном характере которых тлело желание все копировать и выдавать за собственное изобретение. Они создали цивилизацию, ставшую настолько точной копией других, что само понятие копии утрачивало смысл.

Были и другие нации-перевертыши. Например, так называемые «американцы», неспешливая, добродушная нация зеленоглазых и ирландски рыжих людей. Иронично «американцами» их назвали из-за неискоренимой тяги к потреблению.

Были «египтяне», которые больше всего соответствовали высокотехнологичным японцам. Они занимались «ментальной археологией будущего». С изящной выдумкой, предназначенной для болезненного тщеславия, они создавали «ментальные пирамиды» — эдакие мифологические надстройки над личностью. Например, если кто-нибудь хотел

войти в историю футболистом, президентом или олигархом-филантропом, под него создавали массу фиктивной литературы, фильмов, других следов деятельности. Стоило это очень дорого, и позволить себе «ментальную пирамиду» могли только очень богатые граждане Анчурии. Многих из них, едва успевших дожидаться постройки или только заказавших «пирамиду», конкуренты по бизнесу отправляли по назначению — в историю. Почти сразу такая индивидуальная «пирамида» после захоронения «фараона» подвергалась разграблению. Черные «ментальные археологи» еще долго торговали артефактами и даже «ментальными останками» усопшего «фараона». На всем этом «египтяне» неплохо зарабатывали.

Можно было бесконечно долго изучать этот мир, но Вертов должен был сосредоточиться на своем локусе — на сепаратистском анклаве.

Сепаратистский анклав изнутри распирал Джаддарское царство, территорию вызревания древних цивилизаций, ютившихся в пышных оазисах, обожженных пустыней. Из века в век в Джаддаре тлела война за обладание этой пустыней. Там зародились три мировые религии, туда шли паломники, а оттуда распространялись фанатики. Когда на шельфе соленого озера открыли нефть, буйные головы стали воевать за независимость своей территории, клочок земли вокруг нефти. Не обошлось без тайной поддержки стран мировой экономики, им тоже нужна была нефть. Они спонсировали партизан, минно-диверсионные войны, коррупцию марионеточных правительств, наркопроизводство, работорговлю, таким образом спровоцировав возникновение средневекового квазигосударства, террористического анклава, вооруженного современными автоматами и артиллерией. Одну из религий Джаддары, схожую с буддизмом, сепаратисты упростили до умещавшейся в кармане памятки. Ее положения служили как бы манифестом оправдания войны, направленным вовне, мировой общественности, но едва понятные рядовому сектанту.

Главным в этой религии была идея, близкая к буддистской «сдаче», «непротивлению», «нежному плену». Но сепаратистам, чаще заглядывавшим внутрь автоматов, чем в памятку, это было ни к чему.

Что здесь увидели вирмиркеры и прежде всего Бостромов? По пустыне шли караваны верблюдов, которых погоняли полудикие местные племена. Чуть более цивилизованные повстанцы снабжали

их оружием. А вместе они нападали на остатки государственности, которые еще держались в осаждаемых городах Джаддары. И тогда Бостромов вообразил столкновение коренных племен и пришлой цивилизации. Должно быть, это священная религиозная война, подумал он, хотя на деле был очередной случай банальной дележки карты с месторождением нефти.

8.

— Ладно, я спать... — устало сказал Вертов, отключаясь от «ангельского нимба» — так называли аппаратуру для подключения к вирмирку.

Вирмиркер Средков, ассистировавший ему, кивнул, угрюмо пожелав спокойной ночи.

Надо хотя б подремать, перебарывая нездоровое возбуждение, пережитое только что. В Анчурии произошло нечто странное, Алексу до сих пор казалось, будто он так и не вернулся в реальность, а проторил за собой светящуюся тропинку для чужого мира. Выспаться не удалось: янтарная рябь мерцала перед глазами, а часа через два прозвучал сигнал общего сбора. Послышались разговоры и шаги. В конференц-зале Алекс был минут через десять. Сотрудники уже толпились возле двух экранов, на которые транслировалась картинка: группа «индейцев Марса» в окружении верблюдов. «Индейцы» эти были самые натуральные арабы: укутанные в клетчатые куфии, в длиннополые бурнусы. Они сидели посреди дороги, вертикально держа свои воздушные ружья, похожие на музыкальные инструменты. Способные к стрельбе, они использовались и для гармоничных звукоизвлечений, и были похожи на пики, с широкими, как раструбы, завершениями.

Между экранами стоял Бостромов со сведенными в точку губами.

— Географическое положение «Стилобата» таково, — сказал он, — что с ближайшей колонией «Гершель» нас связывает единственная дорога. Там же ближайшая русская миссия. Повстанцы, которые так лихо расселись перед «Стилобатом», — Бостромов мрачно усмехнулся, — пытаются устроить нам нечто вроде блокады. Наша задача — не поддаваться на провокации. «Стилобат» — чрезвычайно укрепленное здание. Беспокоиться не о чем. Собрание носит информационный характер. Попрошу воздержаться от любых действий за пределами станции... Всё. Все свободны.

В течение дня сотрудники время от времени заходили посмотреть, не изменилось ли что с индейцами. К полудню те стали мерно покачиваться, словно загипнотизированные кобры. Беззвучная картинка была, как мираж, один из тех, что ежесекундно просчитывались в тарке Анчурия. Индейцы распустили куфии, глаза их были закрыты, рукоятки ружей на уровне подбородка. Верблюды, длинноногие, с шишкатыми коленями, лысоватые и круглоголовые, словно гигантские коты породы «сфинкс», лежали вокруг.

Вечером внутрь «Стилобата» проникла отточенная, дикая мелодия, которая словно взывала к далекому слушателю в степи. Музыка резко, пронзительно вспыхивала и медленно угасала. На нервы это действовало неприятно, будто перед глазами проводили блестящее лезвие.

Упавшие сумерки прекратили звук.

9.

Бостромов стал настойчиво торопить Алекса, раскрыв, наконец, всю подоплеку интереса к Анчурии. Он был уверен, что анчурские бедуины и марсианские «индейцы», показавшиеся несколько дней назад перед «Стилобатов», как-то связаны. Точнее, необходимо, обязательно связаны. Он даже рассчитал вероятность такой связи, которую назвал «совпадением вирмирк-реальностной корреляции». По какому-то математическому закону, реальность и виртуальность имеют точки пересечения, и в данном случае пересечением был тарк с Анчурией. Ник просил пока об этом молчать. Алекс уловил тревогу и неуверенность в голосе Ника, когда тот заново формулировал задачу: «Поняв язык анчурских сепаратистов, мы сможем разгадать замыслы “индейцев”, шастающих вокруг “Стилобата”».

Вертов в это не верил. Он ничего не знал про «индейцев Марса», зато у анчурских бедуинов была своя тайна, или, как они сами говорили, «чудо». И это «чудо» Алекс хранил в секрете.

В последнее «погружение» он снова был «ангелом» и в чужом облике жил на окраине города среди пустыни. В тот день западные кварталы бомбили, горели здания, и дым поднимался клубящимися кулаками, которые, вытягиваясь вверх, словно угрожали обрушиться испепеляющим ударом. Стиснутая между ними, виднелась стрела

минарета, совершенно белая, не тронутая копотью и разрушением. Сегодняшняя артподготовка кружилась вокруг нее, но цель, оставаясь на самом виду, раз за разом ускользала. Когда уже казалось, что бой затих, на минарет, выпустив несколько ракет, спикировали два самолета. Город тряхнуло с такой силой, что полторы тысячи лет его истории промелькнули в памяти скалы, лежавшей в его основании. Скала устояла, но новое потрясение затмило все, что город помнил, как будто он упал и лежит в жутком, беспомощном ошеломлении. Удар пришелся по центру города. Пыль оттуда спускалась по улицам полупрозрачной, медленной лавиной. От прямого попадания рухнула громадная высотка, и эхо страшного взрыва, прозвучавшего час назад, все еще оседало бетонной пылью.

Аллех вышел из укрытия, придерживая автомат, осмотрел улицу, покрытую серым налетом. В просвете стоял мелкодисперсный, непродыхаемый туман. Закатное солнце превращало его в багровый полумрак. Аллех испытал то ощущение, когда «ангел пришел». Словно весь светишься, наполненный, как эта улица, шершавым песчаным туманом, и в глубине тебя, как в палатке, освещенной изнутри, оживает тень — всезнающий ангел. Аллеху становилось легко и радостно, он понимал в себе все, кроме темного островка в сердцевине души. Это ангел, дарующий всеведение, изумлялся тому, что Аллеху было понятно без слов. Но в этот раз между Аллехом и ангелом проскочила искра, разряд единения, и тень исчезла, и стало полностью ярко, и мальчик проникся ангельским знанием, что все едино. Что пыль, дома и сам он — миллионы строк программного кода и точные математические формулы, то есть слова. Пыль — слова, и город — слова, и пустыня, и весь мир, и Аллех — все это разноцветные, по-разному зашифрованные слова. И как же удивится Бостромов, когда я расскажу о самой большой их тайне, о «чуде». И что их «чудо» — это знание о предрешенности, которой необходимо сдаться.

Аллех ужаснулся этому чужому внутреннему голосу. И в тот же момент сознания Алекса и Аллеха переплавились в единый свет, исполнились абсолютной уверенности, что можно убедиться в предрешенности, прикоснуться к ней, и тем самым победить ее, словно до этого все было сон, а сейчас они прозрели явь. Алекс-Аллех вытянул руки, частицы пыли мелко, бешено задрожали, накалились, туман рассекли молнии, замерли кровянистыми нитями, пронзившими янтарный запекшийся свет. И время остановилось. И обратилось вспять.

И снова замерло. Так в часовом механизме трогаешь шестерню, и детали, связанные с ней, послушно выполняют фигуру механического танца, описывая обратимые вперед-назад движения, в которых как будто что-то зашифровано. Движение во времени?

Алекса пронзило чувство всемогущества, полнокровной эйфории, совершенного счастья, в котором время и весь мир обратились в его собственное тело, послушное, идеально подчиненное.

10.

Случай с «индейцами», казалось, не имел последствий. Через неделю снова разрешили выезды в степь. Обычно Алекс выбирался со Средковым, молчаливым, замкнутым вирмиркером, ассистировавшим ему. Тот ставил ловушки на мелких зверьков, что-то наблюдал, данные отправлял на Землю, а вообще писал научный труд по местной разновидности, кажется, полевки. Говорил, что в эволюционной перспективе она отрастит хоботок и займет нишу муравьеда. На выездах Средков уединялся, брал тетрадь и что-то записывал в нее обычной ручкой. Чудак, и чего он оригинальничает?

В этот раз вместе с Алексом ехал программист Емелин. Бездорожник поставили возле мелкого болотца, под его тент залетала серая бабочка, которую снова выгоняли, беспамятную, или каждый раз это был новый безымянный мотылек, копия предыдущего. Полустепь тихо, ярко цвела. Слышался острый птичий восклик, звук насекомых, писк грызунов, жалобное мяуканье марсианской степной кошки и гул полуночи, перестук прошлого с будущим — невероятно далекий «Бедуин» бежал по шпалам.

Емелин был полной противоположностью Средкову, болтал без умолчно и обладал феноменальной памятью. Рассказывал он странные вещи, о существовании которых Вертов ничего не знал.

Второй волне переселенцев, засекреченной, присвоили кодовое имя — Детский крестовый поход. Если первая волна хлынула на территории западного полушария, возле местности земля Аравия, где теперь процветают так называемые «аравийские бароны» — частный сектор богачей: виллы, обводненные долины с декоративными видаками, мощеная «Аппиева дорога» и другие атрибуты некоторой

условной «великолепной эпохи», — то новых поселенцев перебросили в восточное полушарие, на равнину Эллизий.

Вторую волну составили дети, земные сироты. На Марс не только можно было сбыть излишки земного населения, здесь требовались трудовые руки, много рук. В добавок планировался социальный эксперимент — воспитать поколение совершенно новых, морально здоровых людей, которое никогда не возникло бы на старом, пропитанном гарью истории месте. Здесь все начинали заново, воспитывали новых людей, которые построят будущее — для экспорта на Землю. Триста деток принялись возвращать лучшие педагоги и специалисты в своих областях. Детей готовили к тому, что они вырастут в больших руководителях, крупных ученых, мировых учителей, которые вернутся на Землю, словно новые пророки, и преобразят ее. Идея об «инкубаторе гениев» была вполне здоровой, и первое поколение дало много талантливых ученых: кто-то включился в преобразование Марса, кто-то отправился на Землю. Но поистине взрывообразное число новых людей пришлось на второе поколение, зачатое и возвращенное здесь. Среди них были точно гениальные ученые, а один — доподлинно сверхчеловек, прихода которого никто не ждал. Сейчас его настоящее имя неизвестно, затерто легендами. В памяти он остался как Дро Медар. Это был гений, влюбленный в Марс. Первый, выглядевший как сейчас все местные. Они стали появляться только через три-четыре поколения спустя. А он уже тогда был таким.

— Да-да,— подсказал Вертов,— с овальной башкой, худющие и длинные.

Будучи подростком, Дро Медар изъездил всю планету, помнил ее ландшафты назубок, знал ее, как собственное тело, чувствовал эту землю, слышал ее, вырос из нее, как прах из праха ее. Говорят, ему было видение будущего Марса, каким он еще не скоро станет: с транспортной, ирригационной системами, полностью обводненный, с настоящими лесами. В двадцать его отправили стажироваться на Землю, и там произошла его окончательная, как говорят его последователи, «конфирмация в Органической Религии». Во время перелета ему было видение, в котором Вселенная предстала грандиозным животным. Верблюдом. А на Земле он утвердился в мысли, что Детский крестовый поход неслучаен и что сам он часть большого замысла. Землю увидел он старой, умудренной и гибнущей. С этого момента начинается новая страница в истории Марса. Изучив историю Земли,

побывав во многих ее местах, он вернулся через два года и постулировал Второй Детский крестовый поход, или, по терминологии его сторонников, Первый исход из колонии «Эллизий». Новые «триста отроков» и Дро Медар ушли на юг, через горы Непентес, образовав колонию «Гесперия».

— Ничего о ней не слышал, — задумчиво сказал Вертов.

Под тентом билась новая бабочка. «Или, — подумалось, — та же самая. Одна-единственная на всю долину. Надо бы ее как-то пометить. Дать имя. Если назовешь и скажешь: “Лети, Махаон, ты свободен”, она больше не вернется. А безымянная, неназванная, так и будет возвращаться». Он протянул руку, чтобы тронуть ее.

— Теперь это головная боль местных властей.

— «Гесперия»? — Вертов привстал на локте.

— Да. Сепаратисты, фанатики, сектанты.

Для Алекса начинала проясняться общая картина вокруг «Стилобата».

Итак, Дро Медар потребовал независимости для Марса: вы хотели настоящих новых людей, обратился он к властям, вы хотели новой истории, незапачканной прошлым Земли? Тогда отпустите нас в собственный путь, не привязывайте к себе, и мы вернемся к вам, через год или сто лет, когда будем готовы, когда сочтем это нужным, и после этого обновим весь мир.

Каким был Дро? Фотолетопись сохранила его в основном в юношеском возрасте. Вот Дро побеждает на Всемарсианской олимпиаде по математике, вот, уже повзрослевший, на фоне небоскребов Нью-Йорка, в Тихом океане на плоту — сам не свой, чуждый водной стихии. Вот с арабскими официальными лицами на Ближнем Востоке — в хиджабе, улыбается, чувствует себя своим. И вдруг где-то посреди бесконечной марсианской степи: сзади угадывается силуэт Олимпа и сам он в куфьи, гладит верблюжью морду, взгляд обращен в глаза животного, сосредоточенный, никакого ему нет дела до объектива. Дро понимал Марс интуитивно, будто был его волоском и чувствовал кожу, песчаные и реголитовые мышцы планеты, залежи каменных костей, какие-то смутные его беспокойные внутренности, все те пещеры, куда он позже уведет своих сторонников. Пока он был ученым, возглавлял экспедиции, исследовал природные зоны и возможности планеты, все время составлял списки животных, растений и всего остального, что, по его

мнению, приживется на Марсе. Особое внимание уделял верблюду, у него было даже что-то вроде культа этого животного — так, под конец своей научной деятельности, он сам стал на него похож: худой, длинношей; последние его известные фото — с кадыком, поросшим, словно колючка, рыжей щетиной, и взглядом, уже никому не принадлежащим — только своей идее. Говорят, он баловался с верблюжьим геномом, путался с ним, вживляя себе ДНК этого изумительного животного. Миф, конечно, но весьма показательный. Он отбросил свое образование, обширные познания в точных науках. Власти ему не верили, все больше и больше требовали новых многолетних исследований, подтверждений, что мхи, карликовые деревья, верблюды и мелкие грызуны приживутся здесь, как родные. Именно тогда Дро из протеста объявил свой «Великий Исход». Потом ему придется тайно сговариваться с другими колонистами, сноситься с Землей, контрабандой доставать семена, зародыши животных в пробирках, которые привезут марсианские фермеры, пионеры-целинники. И все это он разбрасывал, сеял по планете. Нынешние экосистемы — цветы и плоды трудов его. Верблюды, без которых немислим Марс, и те завезены именно так — *in vitro*.

Колония «Гесперия» — превосходный образец гармоничного существования культурного человека почти в первобытных условиях. Много бралось из традиций античности и арабского наследия. «Экологическая тишина» — так это называлось. Натуральное хозяйство и знания тысячелетий, пронзающие время, интуиция и биотехнологии. Они все-таки проводили генетические исследования, наверняка с последствиями, с производством гремучего материала, в результате вываривалась какая-то новая концепция марсианской жизни. Неизвестно, удалось ли. Век Дро, словно новый «золотой век Перикла», породил ученых и философов. «Планета Меланхолия» — элегический образ, наследие безымянного поэта тех времен. Было это век назад.

Мотылек снова бился о брезент, словно капля, ближе и ближе, тук, тук, тут, тут, пока Вертов не вывернул полог и не выпустил бесцветное, незрячее насекомое в холодное пространство. На шум и торканье вслед за последними мгновениями мотылька пробежал беззвучный геккон, остановившись на кромке в ночь — холодно, — и, что-то надумав, скрылся в темноту.

Затем, уже после Дро Медара, был организован Второй крестовый поход. Последователи Дро выдумали какую-то новую идею, а по сути — ересь, ибо то, что они предлагали, не очень вязалось с разумным планом «экологически тихого» освоения планеты. Они назвали себя «индейцы Марса» и ушли, забрав верблюдов и примитивный скарб, на юг от Эллизия, в Киммерийские долины, в Тирренские горы. Не желая никакой, даже примитивной, промышленности, никакого отношения к труду через механизмы, они усвоили: любой избыточный труд будет повторением Земли, которой надо избегать, как мысль о грехе. Сама Земля стала для них проклятым местом, откуда бежал их пророк Дро Медар. Научившись виртуозно управлять верблюдами, они рассекали просторы Марса, мирные кочевники, за столетие разделившиеся на множество кланов.

Но пять лет назад «индейцы» обратились к дерзким, быстрым набегам на крошечные колонии, в первую очередь, научные станции, уничтожая механизмы, полезные и для них самих: машины по очистке грунтовых вод, к примеру. Тогда и случилось первое нападение на «Стилобат». А после второго его окружили забором и поставили вышки с охраной. Впрочем, набеги «индейцев» демонстрировали скорее их раздражение против ученых и властей, нежели были реальной угрозой. На год-два они ушли из этих мест.

Надо сказать, Дро Медар — личность для властей до сих пор опасная, конец его жизни связан с расформированием «Гесперии» как незаконного анклава. По одним сведениям, он погиб или скрылся, одинокий, преследуемый, по ту сторону равнины Исида, по другим — спрятан в криокамере, из которой, как говорят индейцы, «да возвратится Дро верхом на верблюде, веком минувший, да обновленный». Так гласит миф. По еще одной легенде, Дро оцифровал свое сознание и спрятал его матрицу в горах Ливии. Якобы цифровая личность героя ждет своего времени, чтобы, запущенная в подземных лабораториях, попасть на конвейер и воспроизводиться, воспроизводиться до тех пор, пока из нее не будет составлена целая армия, которая изгонит чуждую технологическую цивилизацию Земли и повсеместно установит «экологическую тишину». Но для этого должны наступить уж совсем последние времена.

И вот недавно колония снова раскололась, и вместе с Третьим Исходом зажглась и новая ересь. Ее поддержали фанатики, решившись

на открытую войну с властями. Во главе стоял не кто иной, как якобы воскресший Дро Медар. Конечно, это какой-то сумасшедший или авантюрист, вещавший, что покинул криокамеру, как и обещал, по прошествии предсказанных ста лет, и теперь ведет войну за освобождение Марса. И вот тогда нападения на «Стилобат» стали по-настоящему опасны. В отличие от «индейцев» эти, во главе с Лжедро, использовали всю технику, все оружие, которое могли достать. Сепаратисты не чурались никаких технологий, захватывали в колониях и городах все, что попадалось под руку, по сути, ведя борьбу за власть и лишь прикрываясь знаменем, на котором осталось выцветшее изображение легенды — Дро Медара, ученого-интуитивиста. Тогда мы всерьез задумались об охране станции.

Вертов подумал, что версия Бостромова, может быть, не так уж далека от истины.

— И что ты думаешь про воскрешение Дро Медара? — спросил он Емелина.

— Вранье. Криогенные технологии очень сложны. Я уж не говорю об оцифровке личности. В условиях Марса сто лет назад вся техника такого уровня была только у ученых. Колонии технологически оснащены были очень скромно.

— А если Дро сбежал на Землю? У него же были связи.

— Гипотетически, конечно, возможно... «Гесперию», по слухам, спонсировали арабские шейхи. Но на самом деле, я думаю, все проще. Дро потерпел поражение, бежал в горы или предгорья Ливии. И когда-нибудь найдут в ущелье хижинку, где, как того и следует ожидать, закончил свои дни легенда Марса — Дро Медар...

11.

Под утро со стороны дороги выскочила целая орда наездников и, обстреляв «Стилобат» хаотическим, разнокалиберным огнем, ушла в туман, смешанный с пылью от верблюдов. К этому были готовы, в ответ не прозвучало ни выстрела. Бить на поражение решили в крайнем случае. Через час в тыл ударила артиллерия. Атака оказалась неожиданной, так как оборону направили в противоположную сторону — к дороге. Обстрел «индейцев» стал отвлекающим маневром.

Снаряды ложились на здание ударами беспощадного молота, сотрясая западную часть. Включилось аварийное энергоснабжение, тарки на время заглушили, несколько вирмирок безвозвратно свернули. Когда перегруппировали орудия и повели ответный огонь в сторону плато, от дороги подскочили первые нападавшие, усиленные автоматами. «Стилобат» съезжился под прицельным двусторонним огнем. Сигнал бедствия, который следовало дать после первых выстрелов артиллерии, приняла международная станция «Карфаген». На Эритрейском плато базировались его боевые самолеты. Лету оттуда не больше двух часов, предстояла недолгая, но опасная осада, исход которой мог оказаться не в пользу «Стилобата». Завязался бой, с обеих сторон были раненые, но нападавшие несли более серьезные потери. Через час обстрел стал затихать, потом прекратился, и со стороны дороги донеслись знакомые звуки — заиграл тот же духовой оркестрик, что и две недели назад. Бостромов спешно отправил «Карфагену» сообщение: атака отбита, отбой.

Разведдроны, пошарив по местности, видели на плато несколько разбитых машин с артиллерийскими орудиями, а нападавшие со стороны дороги спешно прятались в скалах, затаив, вероятно, новые атаки. Один дрон, летевший над дорогой, был сбит, но успел передать картинку: несколько убитых верблюдов. Людей не было. Бостромов облегченно выдохнул. Он жалел, что в минуту отчаяния дал сигнал бедствия: на «Стилобате» лежал гриф секретности, для всего мира здесь обсерватория, а не лаборатория политических вирмирок, и вмешательство любых международных сил крайне нежелательно.

Нападения повстанцев случались и раньше, «Стилобат» и до этого обстреливали, но это были комариные укусы по сравнению с тем, что устроили сегодня: бомбардировка тяжелой артиллерией. Объявив «Стилобат» на осадном положении, решили справляться собственными силами. Бостромов был уверен, что сегодняшний бой — это все, на что способны повстанцы. Обрушив все силы сразу, они намеревались застать станцию врасплох, но получили сильный отпор. Новые атаки будут гораздо слабее. «Стилобат» с реактором и запасами продовольствия дождется, пока повстанцы уйдут сами. Вооруженное подкрепление Конгломерата, расположенное в восточном полушарии, решили пока не задействовать. Это неизбежно привлекло бы международное внимание, чего Конгломерату ни под каким видом делать не следовало.

12.

Бостромов, изможденный больше обычного, с озабоченным, потемневшим лицом, носился по «Стилобату», не различая ни дня, ни ночи, поймать его было невозможно: Вертов мог поклясться, что видел, как тот, словно демон, исчезал в коридорах. «Стилобат» затаился, как раненый зверь. Энергию экономили, вирмирки заглушали один за другим, на тарки отмеривали аварийные порции. Вход в Анчурию приостановили. Сотрудники скучали в полутьме. Оставалось шляться между лабораториями да тихонько, из-под полы употреблять местный самогон — пара вирмиркеров, с которыми успел снюхаться Вертов, называли его «абстрактный».

Во главе «абстракционистов» стоял Амазулов, крупный чернокожий с мягкими детскими чертами лица, оператор вирмирков высшей категории, всю неделю живописавший Вертову утраченный бестиарий виртуальных миров. Погибли платоновские вирмирки с миром идей и аристотелевские с хрустальными сферами. Погиб зеноновский вирмирок, где Ахиллес уменьшается пропорционально размеру шага, превращаясь в точку, которая зарывается в пространство. Амазулов оплакивал миллион нереализованных апорий, о которых Зенон и софисты могли только мечтать. Вирмирок для него был чем-то вроде философского волшебного сундучка, материализующий в обход закона сохранения энергии любую вещь и знание. Все бы хорошо, только из виртуальности вытащить ничего нельзя.

— Выпьем же за последнюю оставшуюся виртуальную реальность, — стонал, поднимая чарку, Бигмалов, ассистент Амазулова. — А именно: за наше собственное сознание!

Кружок «абстракционистов» отыскал в чулане списанные сервера на отработанных аккумуляторах и запустил вирмирок, который, по мнению Бигмалова, должен стать домом гегелевского Абсолюта.

— Вот увидите, — сокрушался он, — искусственный интеллект на глиняных ногах поймет, что он одинок и выброшен из биологического потока... Бедное, бедное самосознание, оно блуждает внутри себя и постоянно задается вопросом — «зачем»? Ведь оно, увы, увы, не имеет в себе ника-а-акого целеполагания...

И тут, чтобы Вертова совсем не споили, наконец появляется Бостромов, и разговор с ним идет на повышенных тонах.

— Ну что, есть какой-нибудь результат? — спросил он в крайнем раздражении.

Вертов хотел было разразиться потоком слов об откровении, настигшим его в последнем «погружении», о «чуде», о том, что он остановил время, управлял компьютерной симуляцией. Но теперь, сдерживаясь, взвешивал каждое слово.

— Пишу рапорт, скоро будет готов...

— Я уже смотрел распечатку, ты мне нормально скажи, что там случилось. И есть какие-нибудь успехи в дешифровке языка? Ждем только твоих результатов. Можем на них рассчитывать?

— Нет... пока не можем.

— Никаких результатов. Замечательно. Месяц прошел. Хоть что-нибудь у тебя есть?

— Есть. Первичное описание языка.

— Что значит «первичное»?

— Есть подозрение, что... будто система... постоянно подстраивается.

— Что за ерунда? Можешь сказать более определенно?

— Я думаю, — сдержанно сказал Вертов, — Анчурия — не виртуальная симуляция, а зародыш искусственного интеллекта...

— Да ну? — Бостромов, потемневший от усталости и злости, рассмеялся. — Я несколько наслышан о твоих беседах по поводу «интеллекта на глиняных ногах». Так что не удивлен. Но расстроен. Алекс, я рассчитывал на твою профессиональную помощь. Что мы расшифруем язык этих виртуальных бедуинов и будем в курсе, чего нам ожидать от наших собственных повстанцев.

— Я не верю, что они как-то связаны...

— Мне все равно, во что ты веришь. Готовь рапорт о последнем погружении. И это твое «первичное описание». — Бостромов, сжав губы в точку, отвернулся.

13.

— Знаешь про вирмирковую интоксикацию? У тебя с этим все в порядке? — спросил Бигмалов, которого Алекс просил ассистировать.

Поведение и внешность Вертова настораживали: одышка, тревожный взгляд, лихорадочные улыбки. Алекс решил подключиться к Анчурии без ведома Ника. Во чтобы то ни стало следовало про-

верить: способен ли тарк самостоятельно перестраивать параметры и скрывать от «Иллюминатора» данные. Да, и не держит ли он Вертова за дурака.

«Пусть только попробует, — посмеивался про себя Алекс, замечая это свое нездоровое возбуждение. — Мы тебя щелк... мы тебя щелк... полетят клочки по закоулочкам, перельются тарки да по вирмиркам».

— В порядке, — ответил Вертов, подключаясь к «нимбу». — Под мою ответственность.

— Ну... тогда лады, — сдавленно промямлил ассистент, — тогда пробуем.

Ранее Алекс провел громадную работу по дешифровке. С самого начала он определил язык анчурских бедуинов в группу полинезийских. По структуре синтаксиса, по словоизменительной парадигме, по специальным частицам множественности, — если бы не лексика, его можно было бы считать полинезийским. Так опытный механик по звуку определяет модель двигателя. Но потом что-то стало меняться. Алекс связал перемену с «форсированием». Тут и там выдвинулись целые массивы новой лексики. Алекс провел другой анализ, показавший, что теперь язык подходит под описание давно забытого и редкого диалекта из семейства койсанских языков, фонетически очень сложного. И все чаще Алекс с досадой чувствовал, что его определенно дурят, водят за нос, заматают прежние следы. Языковой строй как будто постоянно плыл, и Алекс, как ни старался, не мог найти подходящую аналогию среди знакомых языков. Тогда он сравнил его с шумерским и с другими, уже давно мертвыми языками. И снова попал в цель. Язык двигался, менялся, мутировал. Но это было не развитие, а какое-то расползание, самоисследование — от параметров, заложенных операторами, к пределам, уходящим гораздо дальше, чем знания Алекса о языке.

Была, с точки зрения Вертова, единственная возможность, которая позволила бы контролировать тарк — Алекс решил управлять им, как произошло в последний раз. Объединив свое сознание с тарком, он мог бы проверить гипотезу о зарождении «истинного искусственного интеллекта». Это могло стать симбиозом человека и виртуальности. Но не успел. Бигмалов, заметив, что в сети падает напряжение, включил принудительный выход из «Иллюминатора».

14.

Для станции настали темные времена. Реактор едва-едва теплился, вырабатывая энергию для вентиляции, поддерживая два-три тарка. Остатки шли на освещение: пары, конденсаты электричества. «Стилобат» угасал. Уже готовились глушить реактор, но до последнего надеялись, что не придется. Что дождутся помощи Конгломерата, спешившей из восточного полушария. Это была крайняя мера, но сами справиться с аварией из-за пробившего стену снаряда уже не могли. Да и со стороны дороги по утрам приходили бедуины. Постреливали в туман и играли свою мелодию, днем возвращались в недалекие горы.

Была весна, сезон утренних и вечерних рос, когда пустыни зарастают повиликой. На боках «Стилобата» лежал свет заходящего солнца. Вниз по стене вела едва заметная лесенка. От вышки с прожектором падала длинная, вязнувшая в песке тень. Нагретый за день бетон возвращал тепло в степь. Вертов посмотрел на всю эту красоту, потер трехдневную щетину и взглянул на изгиб стены — они с Бостромовым ютились на самом кончике огромного бетонного яйца — на вершине «Стилобата». Ник провел Алекса сюда своими тайными ходами.

— Кто такой Дро Медар? — наконец спросил Алекс. — Почему ты сразу не сказал, что все так серьезно?

— О том, что это государственная задача? Анализировать и предвидеть действия сепаратистов? Алекс, дорогой, хотел бы я быть на твоём месте, спокойненько спать, прилежненько заниматься дешифровкой, выезжать в степь подышать воздухом, полюбоваться красотами. Глядишь, через пару месяцев закончил бы работу, собрал манатки и убрался восвояси. То, что ты узнал про индейцев или про что еще, — не твоя забота. А теперь даже и не государственная...

— И все-таки...

— Индейцы эти? — Ник усмехнулся. — Да сброд обычный. Кто-то ушел из городов, кто-то из колоний. Они в общем-то безобидные. У них культ верблюда, мелодические стрелялки и остатки представлений об «экологической тишине». Но вот «третья ересь»... — Ник поджал губы, — те самые сепаратисты, которые все это заварили, это уже самое настоящее зло. И важно, кто их всех собрал и объявил себя новым Дро Медаром... — В голосе появилась злость и неожиданная для Ника обида. — Пока мы играли в виртуальные войнушки, стали проигрывать

реальность... В какой-то момент что-то упустили, слишком поверили в себя, что ли... В технологическое превосходство.

— Ты сказал, не государственная забота, а чья тогда?

Алекс понимал, что здесь, в стоящей посреди марсианской степи, бетонной цитадели вся ответственность была на Бостромове, одиноком разведчике в глубоком тылу врага без права на отпуск. Так бывает: приезжие, словно загар, приобретают сходство с аборигенами. А местная вода, еда, дороги, изгибы которых повторяешь, образ мышления, перенимаемый с речью, — все это довершает работу и втирается во внешность. А с Ником так вообще все совпало. Высокий, с бледной, оттенка ваты, кожей, с вытянутым, овальным куполом головы. В школе даже сплетничали, что его отец уроженец Марса, настолько он выглядел не по-земному. Так значит, это была его личная забота, его судьба.

Бостромов отмахнулся, улыбаясь заходящему солнцу: оно еще долго будет стоять над горизонтом.

— Лучше расскажи, какие у тебя успехи? — спросил он.

— У них есть «чудо», — сказал Алекс. — Они это так называют. Элемент религии, похожей на буддизм. Возможно, бедуины из-за частых слияний «ангелов» с «болванками» могли воспринять часть нашей информации и развить ее в идею о перерождении, множестве миров и тому подобном. Будто индуистские боги спускаются на землю в человеческом облике. Похоже, мы сильно наследили в тарке.

— Интересная мысль. Займись ей как-нибудь на досуге. — Ник хлопал Алекса по плечу. — Не забудь. Может, даже сегодня. Собери записи с дешифровками и напиши про марсианских богов, которые спускались в бедные бедуинские головы.

— Да, будет о чем рассказать культурологам.

— Ты спрашиваешь, кто такой Дро? — сказал Ник, пристально глядя на Алекса. — Считаю, это кто угодно. Легенда, дух планеты, местный Гильгамеш, культурный герой. Его никогда не было. Дро Медар — им мог быть и я.

К полуночи начались перебои с электричеством, подключили последние аккумуляторы. «Стилобат» погрузился в полную тишину. Для вентиляции открыли аварийные шлюзы. Теплый сквозняк, наполнивший коридоры запахами далекой степи, беззастенчиво гулял по станции.

15.

Вертов не мог сообразить, был ли это сон. Раздались выстрелы, потом крики, гулкий топот стал наполнять станцию. Где-то — в соседнем коридоре или на другом этаже — бежали люди, падали шкафы, гремела стрельба, голоса, стократно отраженные, рушились справа и слева. Алекс, на секунду пораженный шумом, вскочил с кровати, выбежал в коридор, машинально ткнулся в соседнюю лабораторию. Тусклая лампочка билась в конвульсиях. Вертов различил померкшие сервера, из аккуратно сложенной документации выхватил папку с дешифровками, распечатанными на случай отключения электричества. Затем так же машинально нырнул в ту часть коридоров, которыми Бостромов водил его на крышу станции, оттуда — наружу и по тонкой лесенке вниз, оказавшись на задворках здания. Перестрелка шла с фронтальной части, здесь, на противоположной стороне, было тихо. Добежав до полевой дороги, скатился по склону, чуть отдышался и, пригибаясь, побежал в степь. За спиной, в глубине «Стилобата», гулко звучали выстрелы. Начинался рассвет.

Вертов направился в сторону болотца, куда часто выезжал со Средковым. Там виднелся Каньон, где Вертов ни разу не был. Туда стекались ручьи и речушки, рощицы сопровождали овраги, что-то древнегреческое мерещилось во всем этом пейзаже. Главное, что там ходил «Бедуин». Предстояло пройти эту эллинскую долину, спуститься в Каньон и, сев на рельсы, ждать поезд-караван. Два-три дня на дорогу. Вода в родниках, а с едой придется туго. Но Алекс приободрился, чувствуя, что начинается путешествие. Ему предстоит увидеть новый, неведомый Марс — древнегреческий, тосканский и корсиканский. Может быть, даже австралийский. В дорожной пыли отпечатались следы бездорожника — «третьего дня», сказал бы следопыт, — и верблюжья: вероятно, вчерашние. Из хищников — только марсианская степная кошка. А еще мелкие грызуны да безлетная птица. Так, кошки-мышки.

Медленно светало. Пели неземные птицы, цветочными, расцветающими голосами. Насекомые, стремясь в рассвет, заворуженно смотрели на бледно-розовое солнце. Влекло уйти в эту страну и расвориться в ней.

Весь день Вертов шел по равнине. Во влажном овраге он утолил жажду, из лопухов соорудил зонт. К вечеру набрел на огромный дуб, целую лесную провинцию, под которым решил заночевать. К болотцу, если не заплутал, должен выйти завтра до полудня. Из-за пазухи Алекс достал записи и, мечтая о переменчивой игре костра и запеченной картошке, не сразу понял, что перед ним рукопись. Помнится, как раз Средков, с которым Вертов бывал в этих краях, частенько держал на коленях именно ее, что-то записывая туда от руки.

«Вот так-так... вместо дешифровки схватил записи Средкова».

Отмахиваясь от мошкары, Алекс принялся читать.

Оказывается, Средков сочинил трактат об антивремени. Он постулировал, что времени не существует и, следовательно, путешествия во времени невозможны. Во-первых, в природе отсутствуют элементарные частицы временного. Нет матрицы для их запечатления. Во-вторых, допускалось некое «якобы-время», упорядоченное человеческим воображением и прогнозированием. И именно его с любой скоростью можно прокручивать вперед и назад, а также выбирать любой временной локус. Это как раз и происходит в тарках. Но если тарк — машина, делал вывод Средков, то невозможность времени в нашем мире доказывает, что мы живем в реальности, а не в компьютерной симуляции.

16.

Обдумывая невозможность времени либо его возможность в качестве подложного, виртуального времени, Вертов слышал, как в гостиной звучала старинная музыка, нежная и неповторимая, — словно в детстве. Скрипочки ласково, слой за слоем, косым приливом набегали друг на друга. Словно снег кружевной сеточкой опускался на предновогодний мир. Звучал «Рождественский концерт» Корелли, который в его семье слушали каждый год, набегавший один за другим, один поверх другого: в Рождество, с самого детства.

Анна хлопотала на кухне; дети шумели в детской, перекикивая громкий голос телевизионного портала.

Развешивая новогодние гирлянды в гостиной, время от времени Алекс выключал свет, наблюдая, как беспокойные огоньки выглядят

снизу. И здесь, в полутьме, любуясь мерцанием лампочек, он оказывался рядом с голографическим проигрывателем, транслировавшим объемную запись концерта, сделанную в середине двадцатого века: шершавое, перебежавшее волнистым изображением. Музыка поднималась из двухсотлетней дали — томным, рассыпавшейся помехами наплывом. На высоте гостиного столика светились крошечные фигурки музыкантов, их маленькие, древние инструменты, наверху мерцал Млечный путь, набранный из рождественской гирлянды — необъятным, уходящим в бесконечный космос.

Пушистый ковер, запах ели, серебристое сияние и невпопад, неуследимо сложными ритмами дробившиеся огоньки — все вдруг навяло детское, невыразимо-томительное и сладко-тоскливое чувство бесконечной, полной, совершенной гармонии, счастья, заполнившего мир. Слово никакого Вертова никогда не было и словно он был всегда, до самого себя, — чувство ребенка, потрясенного первым пониманием своего присутствия в мире.

Музыка замолчала, тишина была совершенной, словно вылившейся из всех небесных запасников.

Вертов не знал, сколько прошло времени, пока не услышал голоса детей, вбежавших в комнату. Они стояли на границе темноты и, заметив отца, снова зашумели.

Вертов встал, включил верхний свет.

— Папа, — кричала младшая Рита, — времени не будет! Времени не будет! Сказали, время перестало!

— Что это значит? — он перевел взгляд с Риты на старшего Макса.

— По порталу сказали, что время не будет идти вперед, — сказал сын. — Оно пойдет назад.

— В чем дело? — спросила Анна, показавшись из кухни.

Вертов коснулся пальцем дочкиного носика, подхватил ее на руки.

— Очередная журналистская шутка. Может, дети чего-то не поняли...

— Я все понял, — перебил Макс. — Ученый из обсерватории Хаббла, по имени Гавриил, рассказал, что критическая масса Вселенной оказалось такой, что теперь Вселенная будет сворачиваться в точку. Потому что когда-то она расширялась, а теперь будет уменьшаться, и поэтому время пойдет назад.

17.

— Es él?³ — Последовал звук, будто все ощущения Алекса извлекли из ниоткуда. — Es él?

— Si. Y esto también⁴, — произнесли ближе и другим голосом.

— Es uno de esos alienígenas?⁵

— Si, fue encontrado en la estepa.⁶

Алекс чувствовал себя Ионой, колыхающимся на теплом левиафаньем языке. Вертов закашлялся, приподнимая связанные косточка к косточке кисти рук. Раздался окрик, колыханье остановилось, Вертова стянули на землю. Щурясь, он увидел двух сидящих на верблюдах «индейцев», скалившихся на него. Над их головами блестели рас-трубы духовых ружей. Мимо остановившихся всадников проходил караван. Глубоко дыша, Вертов стал разминать шею. Грудь ломило. Перебросив, как переметную суму, его, наверное, везли уже много часов. Один из «индейцев», не переставая скалиться, показал кнутом вперед. Вертов кивнул. Из головы каравана подъехал бедуин и сразу тоже жутко оскалился.

— Es tuyo?⁷ — спросил он, достав тетрадь.

— Мое... мое... — отвечал Вертов, щурясь на бедуина.

— Домой вернемся, и ты все скажешь, — сказал всадник. — Пошли.

Поддал верблюду пятками и повернул в голову каравана.

Вертов с трудом заковылял, вслушиваясь в испанскую и арабскую речь бедуинов. Тугой маховик мыслей тяжело раскручивался в больной голове, отзываясь на запах акации, из веток и листвы которой он вчера вечером сложил подушку. Набредя ночью на беспечного путника, усыпленного акациевым дурманом, бедуины связали его и закинули на верблюда.

К вечеру караван вошел в лагерь. Из шалашей стали выходить люди, среди них Вертов сразу заметил человека с земным ростом и цветом кожи. «Земляк», — подумал Вертов, опускаясь возле костра. Страшно хотелось пить. Этот «земляк» о чем-то расспрашивал бедуина, косо и недружелюбно поглядывая на пленника. Бедуин отвечал скупо,

³ Это его? (исп.)

⁴ Да. И это тоже (исп.)

⁵ Он из тех пришельцев? (исп.)

⁶ Да, его нашли в степи. (исп.)

⁷ Это твое? (исп.)

подошел к Вертову, поднял его и попробовал куда-то вести. Алекс замотал головой, показывая жестом — пить.

— Иди, там будет вода! — прикрикнул бедуин на арабском, волоча Вертова в большой шалаш.

Там ему дали воды, усадили напротив колоритного царственного бедуина, вероятно, вождя, тучного, с живым въедливым взглядом.

— Что это? — спросил вождь, показав тетрадь. Он говорил по-русски с неизвестным Алексу акцентом.

— Книга, — ответил Вертов, решив, если заподозрят, что он со станции, выдавать себя за самого незначительного, низового сотрудника. — Моя будущая книга. Я философ времени.

Лицо вождя выразило удивление. Окажись вместо этой тетради дешифровки, пленника приняли бы за вирмиркера, а так он мог прикинуться путешественником.

— Что это значит?

В юности Вертов поставил один вопрос ребром. Он желал знать, существует ли время на самом деле: не как абстракция, не как уступка человеку в его счетах реальностью, а как вполне определенная, хоть и текучая материя, которую можно пощупать или даже сорвать с ее бесконечного конвейера. И теперь Вертов решил припомнить свой вопрос и свою теорию, которая перекликалась с содержанием рукописи. Он поведал наивному сознанию о том, что времени нет, что есть параллельные, «теньевые» миры, которые создают прошлое и будущее. Это варианты реальности, которые каждое мгновение откальваются в другие миры и, может быть, не исчезают навсегда, но постепенно затухают, лишённые энергии. Что есть одно истинное временное наклонение: Всегда. И что когда-нибудь Вселенная снова возвратится в свое первичное состояние, преодолев разобщение между «теньевыми мирами», ибо все станет едино, как было изначально.

Пока вождь молчал, обдумывая сказанное пришельцем, Вертов мысленно усмехнулся: и как этот тихоня Средков, чья рукопись случайно попала ему в руки в самый последний момент, как он оказался ему ближе, чем Бостромов, друг детства? Ведь эта рукопись спасла Алекса.

— Возьми себе, — сказал вождь, передавая тетрадь Вертову, — и запиши эту книгу. Мы верим в то же самое, но по-другому. Не знал я, что из землян встречу мудреца.

«О, наивный-пренаивный вождь», — думал Вертов, выходя из шалаша.

18.

Фамилия человека, которого Вертов окрестил «земляком», была Акин. Он разговаривал нарочито громко, якобы из-за контузии, полученной в бою, говорил, что был вирмиркером, а полтора года назад сбежал из «Стилобата», и на Бостромова у него был большой зуб. Осознав всю глубину преступной деятельности станции, он вместе с «индейцами» теперь вел борьбу против Бостромова и Конгломерата.

— Вы же со станции? — спросил Акин. — Вы не путешественник, как говорите. Так ведь, со станции? Но я об этом не скажу бедуинам, можете не бояться.

— Я математик. С неделю тут, — ответил Алекс.

— Ну вот. А то — путешественник, философ времени. Небось, бежали со станции, когда там два дня назад наши поработали?

— Я же говорю, новичок, стажировался, прибыл неделю назад с Земли. Не знаю, что у вас тут за дела.

Акин нехорошо засмеялся.

— И что, даже в тарк не ходили? И про Анчурию не знаете, и про Левкоева не слышали? — спросил он.

— Нет, не слышал.

— Ну́, так... был у нас сотрудник Василий Левкоев. Завсегдатай, так сказать, походов в тарки, любитель «форсирования» времени. Тогда ведь еще не знали, что такие вещи, как состыковка с «болванкой», не проходят бесследно. Ну и вот, так он туда зачастил, в эту вашу Анчурию, а особенно в один терапевтический вирмирк, который посещали все, что однажды...

Левкоев прятался в чулане дальнего коридора, сидя на полу, поглаживал пальцем своего любимчика геккона, разговаривал с ним «посвистом неместным» и называл «царем халдейским». «Царь» отвечал ему недовольным скрипом из крошечной пасти. За Левкоевым шла погоня, он прятался от «пришлых эльфов». Психоз развивался через сны: великие изумрудные леса, полеты в бирюзовых облаках, озерные эльфы мчатся сквозь них, стоя на багряной тени. Он нашептывал геккону, что его посвятили в тайны Анчурии через «эфирную музыку», которую он крутил ночи напролет у себя в голове. Вперед и назад. А планету захватили «пришлые эльфы», так ему передала мелодия. Заповедник сновидений... голографический аккумулятор фантазмов... теплые, богатые мутагенным потенциалом разума джунгли...

— А был Левкоев, между прочим, красавец-атлет, научный журналист, — закончил рассказ Акин. — Первый среди вирмиркеров. И вот такая с ним приключилась финита ля комедия. Теперь свое растительное существование доживает он где-нибудь в захолустных колониях, этот ваш товарищ первоклассный вирмиркер Левкоев.

Случай Левкоева был трагическим. Когда выяснилось влияние тарков на психику, сразу ограничили количество спусков. Поэтому Бостромов в последнее время не пускал Вертова в Анчурию. Будучи тем самым вирмиркером, который создал Анчурию, Левкоев использовал «Иллюминатор» огромное число раз, его случай потом так и называли — «казус Левкоева».

— Так что вам повезло, что вы в тарк не ходили.

— Да-да, — покачал головой Вертов.

— Но про Анчурию-то, небось, слышали? Кто ж про нее не слышал?

— Да, слышал, — сокрушенно признался Вертов. — Но ходить не ходил. Я ж говорю, сидел в восточном крыле, параметры высчитывал...

Вертов с тревогой вспомнил, как остановил в Анчурии время — симптом того, что погружение в тарки повлияло на его психику. И этот вчерашний яркий сон, в котором его семилетний сын Макс рассказал, что время теперь пойдет назад. Бостромов знал о вреде «погружений» и дозировал «спуски» в Анчурию. Но Алекса это не спасло.

19.

В «индейском» лагере, куда привели Вертова, царило почти вавилонское многоязычие. Клань, примкнувшие к «третьей ереси», возникли на заре «индейского движения» как многократные исходы из колоний разных стран. Жили они обособленно и до сих пор разговаривали на языках своих предков: испанском, английском, русском, китайском и других, но главным образом на арабском. Арабские «индейцы» численно доминировали — во время оно земные шейхи активно отправляли на Марс своих граждан — и постепенно ассимилировали в себе других.

У «индейцев Марса» никогда не было военных конфликтов, собственно, их и воинами трудно было назвать, хотя что-то воинственное в себе они, конечно, чувствовали: необходимость вести какую-нибудь

подвижную деятельность. Почти все «индейские» мужчины большую часть года проводили в кочевых лагерях, скитаясь по планете, в некоторой разновидности развития, совершенствуя навыки следопыта. Такой кочевой лагерь назывался «дом мужей». Женщины жили обычной оседлой жизнью, их община называлась «дом матерей». Постепенно кланы перенимали материальную и духовную культуру именно арабских бедуинов, которые как будто уже на Земле были приспособлены вести марсианский образ жизни. И верблюд пришелся на Марсе как нельзя кстати. «Индейцы» боготворили верблюда и, отличаясь от землян внешне, вели свое происхождение от него, а не от выходцев с Земли.

Вначале был Великий Двугорбый Верблюд — так начиналась общеиндейская мифология, — он шел и шел, изнемогая от жажды. В одном горбе нес время, а в другом — пространство, и, двигаясь, оставался на одном месте. И пока шел, рос и рос, да так, что два горба срослись в один, пространственно-временной. И всё в мире, верили бедуины, произошло из Великого Верблюда. А планеты — части и органы его тела. Но земляне забыли об этом, расселились по планетам, поработив их, «взяв в плен», завели там свои заводы и тюремные зоны. Но от «индейцев Марса» это скрывают. На весь этот миропорядок вождям открыл глаза тот, кого считали новым, воскресшим Дро Медаром.

— Земные пришлецы обо всем умалчивают, — вещал он. — О «тюремных зонах» Урана и «каторжных весах» Нептуна. О том, что в «сатурновых городах» творятся самые темные и отвратительные дела. Что в поясе Койпера дрейфуют свободные поселения. Там живут люди «черные», природные, как мы. Есть мы, истинные жители Марса, и есть «индейцы Меркурия», и «трояницы Юпитера». И теперь приходят последние времена. Так сказало гадание. Последние времена наступают! — заговорил, запричитал, возвышая голос Лжедро. — Марс противостоит Земле, ибо ничего хорошего не приносят земляне. Их пороки скрываются. Их реальность — развлечение и потребление. Ханжество и лицемерие. Природа для них — кафетерий. Река — для купания и шашлычка, леса — для мебели, горы — для железа. Они привыкли к услужливой природе. Но есть мы и честные, «черные». Мы знаем про вселенского зверя верблюда.

Символьное обозначение верблюда-вселенной, которое «индейцы» носили в виде кулона, напоминало знак бесконечности, срезанный горизонтально — отголосок двух горбов. Само имя «Дро Медар», происходившее от дромадера, обозначало того первичного верблюда,

одногорбого, отказавшегося от времени, который идет, идет, идет, испытывая бесконечную жажду, и «индейцы» идут вслед за ним. И для Дро Медара времени тоже не существовало: прошлое, настоящее, будущее — все ему было едино. Все в одном вековечном горбе, в котором, как в котомке, собрана человеческая судьба.

20.

Духовые ружья заиграли так же, как в дни осады «Стилобата». Звук расслоился на диссонирующие ноты и распался на звучание отдельных инструментов. Вертов вышел из шалаша, где ночевал вместе с Акиным и двумя «индейцами». Рядом спали верблюды. Чувствовалось тепло их тел, слышался запах и шум дыхания. Глаза безмятежно закрыты, короткие, заросшие шерстью уши выделялись на безволосой морде, уткнувшейся по ноздри в песок. Возле костра темнел силуэт бедуина, который, покачиваясь, медитировал под музыкальные модуляции. Вертов подумал, поймет ли он «Хойя! Хойя!», если поднять этот индейский клич посреди ночи.

С рассветом стали разбирать шалаши и навьючивать их на верблюдов. Акин сказал Вертову, что ему придется освоить навыки верховой езды, если он раньше ими не владел, — уже снимаются в степь, чтобы соединиться с другим кочевым лагерем. Именно об этом провозгласил звуковой сигнал.

— А знаете, никакого Дро Медара никогда не было, — сказал Акин.

Вертову через полчаса качки на верблюде стало не по себе, и он пошел на своих двоих. Бывший вирмиркер ехал рядом.

— По крайней мере, как исторической личности. Была легенда про «первого индейца», который придет из Ливийских гор через сто лет. Активно продвигать ее стали лет пять назад, когда возникла эта самая «третья ересь». Только тогда так называли компьютерный вирус, который якобы написали повстанцы. Он должен был разрушить компьютерную систему «Стилобата». А потом слухи про вирус стали утихать и вспомнили про легендарного человека — Дро Медара. И знаете, кому это было бы больше всего выгодно? Не индейцам! И даже не повстанцам. Не знаете, нет? И не мучайтесь, все равно не догадаетесь! Бостромову!

— Да? И зачем ему это?

— А вы просто не знаете, что это за человек! Если бы вы знали его так хорошо, как я... Это же форменный Макьявелли! — Акин испытывал к Бостромову самые неприязненные чувства. — Сначала был написан этот вирус, а потом уж пустили легенду про человека Дро Медара. Не находите это странным? Я-то думаю, что Бостромов и запустил. Сам придумал, сам и запустил. Но индейцы верят, да. В Дро Медара, освобождение и все такое. А знаете... — нервно засмеялся Акин, — знаете, а Бостромов наполовину — марсианин. Да. У него отец с Марса, выходец из клана, который выращивает и продает верблюдов в раскольные колонии. Сначала перебрался в цивилизованную колонию, а потом стажировался на Земле. От него наш Макьявелли и услышал эту легенду.

— Так вы говорите, вирус... который написали повстанцы... чтобы обрушить компьютерную систему «Стилобата». Так что ли? И как он должен будет проникнуть в виртуальную среду станции?

— Ну, посмотрите на этих людей. Ну? — Акин кивнул на бедуинов. — Видите? Повстанцы немногим будут умнее этих дикарей. Значит...

— Значит, что?

— А то, что обрушить «Стилобат» снаружи невозможно. Программа была написана внутри «Стилобата». И сам Бостромов к этому приложил руку.

— Что за бред? — Вертов остановился. — Станцию осаждали, разбили. Наверняка есть погибшие.

— Только ш-ш-ш об этом. Понятно? — Акин натянул поводья, верблюд встал. — Я вам говорю: Бостромов всю эту штуку и затеял. С Дро Медаром, с вирусом, со штурмом станции.

— Но зачем, зачем?..

— Затем, что Макьявелли... — Акин снова поехал.

Слова бывшего вирмиркера поразили Вертова, их логика была похожа на правду. И в самом деле: какова во всем этом настоящая роль Бостромова?

В полдень возле чахлах деревьев сделали привал. Вчера Вертов успел познакомиться с несколькими индейцами, сносно знавшими русский. Он прибил к группке этих «русских индейцев», они сидели возле костра, смеялись, передавали по кругу курительную трубку, заряженную акациевым табаком. Наберись в Средневековье две-три тысячи таких «индейцев» на верблюдах, подумал Вертов, да еще в латах, они,

пожалуй, покорили бы всю Европу: все равно что танковая бригада, рассекающая крестьян с дреколем. Вертову предложили трубку. Он потянул дым, пустил его вверх, бедуины доброжелательно засмеялись.

— Эй, ты имей таинственный? — крикнул один бедуин.

Алекс уже знал эту бедуинскую манеру кидать одно-два слова, которые поди разберись что вообще значат. «Таинственный», например, могло означать: секретная тетрадь, которую ты показал вождю и которая очень, очень его впечатлила, так что он тебя зауважал. Но в данном случае «таинственный» означало нечто другое. «Индейцы» лукаво скалились. На костре поджаривали с полдюжины заячьих тушек, содранные с них шкурки были распялены на прутьях. По круту, сменив трубку, пошел бурдюк с акациевым самогоном. Вертов присел к костру.

— Ты не знаешь, что такое «таинственный», — сказал молодой «индеец». — Но мы сначала думали, ты его ищешь. Тут часто приходят, которые ищут «таинственный». Приходят, уходят, а другие ищут и не уходят. Один все ищет, пока не нашел. Но ты не ищешь.

— И что это такое — ваш «таинственный»? — спросил Вертов.

Бедуины дружно засмеялись.

— «Таинственный» у нас значит — Тикаль. Есть в долинах кочующий город Тикаль. Говорят, кто в него входит, уже не выходит. Но ты не войдешь. Тебе нужна наша одежда.

Бедуины снова засмеялись, Вертов почувствовал себя одураченным.

— Ну да, ну да, — он встал, бормоча под нос. — Про это я у земляка спрошу. Он-то все знает. И про Тикаль тоже. И побольше вашего, между прочим.

В другой группе раздались выкрики, бедуины стали вскидывать руки. Несколько гармоничных звуков вырвалось из ружей, им ответили издалека: между холмов теснилась прерывистая цепочка каравана. Первые три всадника, облаченные в желтые плащи поверх белой бедуинской одежды и в пышных тюрбанах, уже поднимались по склону к лагерю. Огромные их верблюды царственно вышагивали, и тут Вертов услышал, как по лагерю пронеслось: Дро Медар.

21.

Акин сидел на холме, в отдалении от лагеря, прикидывая, насколько процессия уязвима. По его расчетам, понадобилось бы три пуле-

метчика, засевших с двух сторон, чтобы минут за десять управиться с караваном. Идеальная позиция для обстрела. Первый, дождавшись, пока хвост колонны вольтется в ущелье, запрет выход сзади, второй расстреляет всадников в упор, последнему достанется самая интересная часть. Пожалуй, это было бы его место. Вот три представителя кланов въехали в лагерь. Позади совсем юные «индейцы», у них даже ружей нет, ведут навьюченных скарбом животных, за ними бедуины разных кланов: «кормители верблюдов», «стяжатели трав», «воспитатели машин», те самые, которые научились примитивному ремонту механизмов... А где же этот маленький засранец, самозванный Дро? Ага, вот. Два спаренных верблюда в середине колонны несли обширный паланкин, окруженный с десяток солдат «третьей ереси». Поэтому он и самозванец, а ни черта не настоящий пророк, ему всегда нужна была эта ширма мистификации, облако непроницаемости, чтобы производить впечатление. Настоящий Дро ехал бы на самом обычном верблюде, неприметный и усталый, как все остальные.

Этот караван состоял из «индейцев», которые несколько суток назад вместе с повстанцами атаковали «Стилобат». Повстанцы ушли в неизвестном направлении, а «индейцы», дробясь на небольшие группы, кочевали теперь каждый в свое поселение. Оказалось, «Стилобат» был отбит самым невероятным образом! В последний момент, когда станцию окружили и почти заняли, нагрянул международный отряд «Карфагена». Его успела вызвать небольшая кучка сотрудников, во главе с Амазуловым забаррикадировавшаяся в подвальном бункере на техническом уровне обслуживания реактора. Подкрепление действовало молниеносно, бой длился не больше четверти часа. Часть сотрудников, подобно Вертову, бежала во время штурма и числилась пропавшей. Бостромов, как выяснилось, и след простыл. Возможно, Вертов оказался единственным пленником во всей этой истории. Какую судьбу ему готовили «индейцы»? Дро Медар наверняка захочет допросить его. А Бостромов, конечно, сидит где-нибудь в степи, пьет свой чай и думает, что неплохо было бы сбежать в какой-нибудь вирмирк, а лучше в самый захолустный тарк, где можно остановить время и спрятаться так, чтобы его не нашли в ближайшую тысячу лет, потому что если это правда, что говорит Акин, то не только у международных сил, но и у Конгломерата возникнет вопрос, кто же такой на самом деле этот Ник Бостромов и для чего, собственно, все это затеял.

— Эй, таинственный! — завопил тот самый молодой бедуин, что подтрунивал над Вертовым.

Алекс оглянулся, но обращались не к нему. Среди прибывших был человек, землянин, одетый точно как бедуин, смуглый, в солнцезащитных очках, опоясанный несметным числом сумок, сумочек, мешочков, расшитый карманами всевозможных размеров. Этот «таинственный» тут же вскинул руки, приветствуя бедуина, и заорал на каком-то арабо-испанском наречии. Через пару минут неистового обмена новостями, оба были в курсе событий: «индеец» теперь знал все про осаду, а «таинственный» — про Вертова.

— Как же я рад, как рад! — заорал «таинственный» по-английски, направляясь к Вертову. — Надеюсь, у вас есть эти нормальные сигареты, а то я скоро двину кони от чертова курева из акации!

— Нет... я не курю... — смущенно ответил Вертов.

— Какая жалость, жалость, — говорил «таинственный», подходя и оглядывая Вертова. — А я как увидел вас, подумал, будет что курнуть. Значит, придется двинуть кони. А где этот ваш соотечественник? Может, у него что найдется?

Но Акин вовремя скрылся в толпе.

— И, значит, вы тут совсем недавно и еще не успели соскучиться по цивилизации? Какие новости в большом мире?

Землянин был явно не в себе, его сумочки при каждом движении подпрыгивали, дужки очков были перевязаны во всех возможных местах. Он был небрит, покрыт копотью, губы измазаны синим, а на лбу виднелись следы рисованного «третьего глаза».

— Так зачем вы здесь?

Вертов неопределенно пожал плечами.

— Вот и я тоже не знаю. Зачем пришел, зачем тут толкусь... Эта земля лишает вас смысла, смысла, — сказал он, беря Вертова под локоть и ведя за собой. — Когда ты приезжаешь сюда и ищешь... ищешь... — Он показал куда-то на горизонт. Его ладони в истрепанных перчатках все время как бы рыскали по сумочкам и мешочкам, по этому тряпичному набрюшнику. — Знаете, — доверительно вдруг сказал «таинственный», и руки его успокоились, — он великий человек. Да, он может быть ужасен, и зол, и прав. И он ведет войну. Он может тебя убить и помиловать, но только вот не надо его осуждать, осуждать. Словно обычного смертного... Но я не могу его понять... не могу. Путешествуя на верблюде, я читал Ронсара и Аристофана. Я искал «Тикаль просветления», понимаете?

Пятнадцать лет назад американский миллионер Гудвин Хоппер, человек с безумными глазами, вечный путешественник, прибыл на Марс, чтобы отыскать Тикаль, таинственный город блаженных, о котором узнал на Земле. Со временем он перенял одежду бедуинов, растратил состояние, оброс сумасшествием и пошел за Дро Медаром, помешавшись на нем. Его первым словом на бедуинском наречии было «таинственный». Встречая индейцев, он спрашивал: «Где найти таинственный, таинственный?» — до тех пор, пока сам не породнился с этим словом. Тикаль был загадочным миражом, не раз описанным в марсианской эзотерической литературе. Считалось, что он — точка, в которой перестает время и достигается бессмертие. Ему противостоит буддийская сансара, то есть печатная матрица миров. Видение фата-морганы являлось иному путешественнику в пустынных районах планеты: фантастический город со множеством башенок, кампанил, дворцов и белоснежных куполов кафедральных соборов. Венецианский скайлайн. Ведь может такое быть, что отражение Венеции из вод лагуны спроецировалось на какой-нибудь особый, восприимчивый слой атмосферы, пелену серебристых облаков, а потом этот крошечный кадр в один из ярчайших дней был излучен в космос, откуда его впитала марсианская поверхность. Положение скорее сказочное, чем хоть сколько-нибудь реальное, но оно все равно влекло эзотерически настроенных паломников в степи, каньоны, пустыни, чтобы искать, искать Тикаль, город без времени и пространства, ибо тот, кто войдет в него, в эту точку мирового средостения, солнечного сплетения Мирового Верблюда, потеряет себя и обретет бессмертие. Город пребывания блаженных, вокзал миров, связывающий миллионы планет, космопорт прибытия и отбытия душ, пересечение всех параллельных линий, в котором одновременно совершались миллиарды путешествий. Тикаль — вселенский вокзал бесконечного воображения, Тикаль — метафора «космологической сингулярности». Войдя в него, лишишься цикла перерождений, выпадешь из «колеса сансары».

— У тебя же есть эта тетрадь? — спросил «таинственный». — Тетрадь? Про время? Так мне сказали. — На Алекса смотрели безумные, алкавшие ответа на все вопросы мира, голубые глаза.

Только сейчас Вертов заметил, что в сумочках, мешочках хранились пожелтевшие листки, записные книжки, засушенные травы, жучки, а из нагрудного кармашка торчали лапки геккона.

Вертова спас сигнал общего сбора, весь лагерь пришел в движение, Алекс, отдав честь и щелкнув каблуками, скрылся в поднявшейся пыли.

22.

Долгий вечер стоял над развалинами городка. Каменная лестница, ведущая на агору с миниатюрным Парфеноном, чаша амфитеатра, заросшие плющом арки, деревце, укоренившееся в центре фонтана, аллея разрушенных колонн — все это некогда был псевдоантичный полис, построенный на заре колонизации. Городок скоро покинули: не хватало воды, изменились планы освоения планеты, — и искусственные руины смешались с настоящими. На картах он не значился. Бедуины, делая крюк, заезжали сюда с проторенных путей запастись водой и переночевать, приткнувшись к развалинам стен.

Вертов, которому молодой бедуин назначил встречу за лагерем, долго блуждал среди каменных блоков, потом сел на низкую ограду, дав догнать себя Акину.

— Да вы теперь точь-в-точь бедуин, — сказал тот, подходя.

Днем над Вертовым произвели шуточный обряд посвящения в «индейцы», обрядив в бедуинские одежды. Безлунные небеса накрывали планету длинными сумерками.

— Я здесь полтора года, а все равно что в плену, — сказал Акин, тяжело дыша и присаживаясь. — Я соврал, я не занимался вирмирами. И ни разу там не был. Я бывший начальник службы охраны «Стилобата». Военный. Бостромов добился моего смещения, я же человек со стороны. Он интриговал, убирал с должностей неудобных людей. Знаете, что он придумал? Завел две службы слежения, чтобы они присматривали друг за другом. Если бы мне не пришлось бежать, «Стилобат» ни за что бы не взяли, никто из этих дикарей не сунулся бы внутрь станции. Бостромов много лет планировал захват власти. Но теперь у него все окончательно сорвалось.

— Слушайте, Акин, — раздраженно сказал Вертов, — Бостромов не хотел сообщать на сторону о проблемах с повстанцами, «Стилобат» занимается нелегальной деятельностью. Сами знаете.

— Знаю. Да и вы, похоже, совсем не новичок. А я вот хочу подвести Бостромова, так сказать, под международный монастырь. Знаете, кто такой Дро на самом деле?

— Кто?

— Да самый натуральный головорез. Агент Конгломерата под кодовым именем Треф. Хотите расскажу его спецназовскую подноготную?

— Он же из бедуинов? Разве не так?

— Да, из бедуинов. Родился, жил. Потом служил на Земле. Двадцать лет в «горячих точках», послужной список из пятнадцати спецопераций. Блестящий военный. Когда ваш Бостромов додумался, что Дро Медар должен быть конкретным человеком, а не легендой, Трефа командировали сюда. Возглавить повстанцев. Это была его очередная спецоперация. Эта бодяга с повстанцами и «третьей ересью» — план Конгломерата и лично Бостромова. Что, не знали? Да, повстанцы нужны, чтобы создать военное напряжение. Ввести войска Конгломерата и обозначить его зоны влияния. Но в какой-то момент Треф попросту плюнул на Конгломерат и Бостромова, а ложные повстанцы стали настоящими, неуправляемыми. Ваш Бостромов просчитался. А вы думали, все так просто? Такая маленькая безмятежная планетка? Планета Меланхолия?.. У Трефа просто крышу сорвало от власти. Вместо того, чтобы играть роль провокатора, он все сделал по-настоящему. Совместно с «третьей ересью» устроил резню в нескольких колониях. А теперь, видите ли, он отец «индейского» народа. Против Дро выступили несколько кланов, которые возненавидели его за раскол в «индейском мире». «Индейцы» теперь используют оружие и всю боевую технику. Скоро здесь будет бедуинская гражданская война...

— Слушайте, что я скажу, — сказал Акин после минуты молчания. Сквозь усталость прорывалась тревога. — Этот Дро Медар завтра будет вас допрашивать... расспрашивать... Он же не такой дурак, как этот ваш вождь. Ему про вас донесли, он понимает, что вы со станции. Так вот в ваших интересах сотрудничать с ним. Расскажите все, что знаете про Бостромова. Не знаю, какие у вас там с ним отношения... Но про меня ничего не говорите. Вообще. Поняли? В ваших же интересах.

— А если я не соглашусь? — усмехнулся Вертов.

— Это ваше дело. — Акин презрительно сплюнул. — Только имейте в виду, что я вам сказал. Про натурального головореза и все остальное. Ваша жизнь для него ничего не значит.

Акин был неприятен Алексу, непонятно, что у него на уме.

— Ладно, знаете, что такое Тикаль? — спросил Вертов, пытаясь снять напряжение от разговора. — «Индейцы» про него говорят.

— Нет, не знаю. Какая-нибудь ерунда, — вздохнул Акин, поднимаясь. — Надеюсь, вы меня поняли. Бостромов — это зло, против которого надо действовать сообща.

Вертов некоторое время сидел, пока Акин удалялся в сторону лагеря. Когда тот исчез из виду, из-за ближайшей колонны выглянул бедуин, назначивший встречу. Он подслушивал за беседой. Приблизившись, протянул Алексу две сумки, связанные вместе, которые можно было перекинуть через плечо и так нести.

— Вождь сказал, иди давай, — прошептал бедуин и повел мимо развалин.

Они миновали амфитеатр, аллею и, пройдя насквозь развалины дома, вышли в степь.

— Вождь сказал, иди давай, — повторил бедуин, показывая в сторону холмов. Только сейчас Вертов догадался, чего от него хотят. — Пиши эту... таинственный... книга... вождь сказал.

Видимо, Дро не нравился не только Акину, но и вождю, который решил устроить Вертову побег. Тетрадь снова спасала его. Алекс кивнул, бедуин оскалился на прощанье и тенью скользнул в разрушенный город.

23.

Одна сумка оказалась бурдюком с водой, в другой лежали лепешки, походная кастрюлька с шайбами универсального пищевого концентрата, моток веревки, огниво, совмещавшее зажигалку, фонарик, автоген. Еще была рукописная карта местности, на которой заботливая линия соединяла точку-путника с цивилизацией. Каньон многократно ветвился, пуская ложные отростки, и проще было найти этот самый «Тикаль просветления», чем самостоятельно выбраться из марсианской топографии.

В полдень Вертов сделал привал, сверяя ландшафт с картой. Место, отмеченное крестиком с подписью «Вилла», находилось по другую сторону Каньона, сразу за штриховкой обширных «пажитей». До «Виллы», вероятно, не больше двух дней. Пайка хватало с запасом. На шайбах концентрата было выдавлено: мясной, фруктовый, рыбный. Надо нагреть жестяную посудину, положив шайбу на дно, и через

десять минут получишь полную кастрюльку бульона или киселя. Помешивая закипающий концентрат, Вертов сделал пару глотков акациевой водки, которая тоже была уложена в сумку, и посмотрел на овраг, отсутствующий на карте.

Первый приступ настиг его часа через два, он уже несколько раз обходил широкий овраг. Алекс почувствовал острое желание убрать эту балку с карты, тогда местность разгладилась бы, как покрывало. Ведь он умел замедлять время, а с ландшафтом в Велмири мог справиться даже школьник. В панели инструментов Алекс искал необходимые тулзы, тонкую подстройку пространственной кривизны, потянулся к верхней строке консоли и, стерев, словно со школьной доски, командную строку, увидел бесконечный ряд числа Пи. Число содержало все: пирамиды, динозавров, хвощи и трилобиты, цивилизацию шумеров, эволюцию насекомых, траекторию струи картины Поллока и чувство эйфории, непременного счастья. В конце ряда, дрожа, нарождалась новая цифра. Пал Рим и плыли каравеллы Колумба, человек отправлялся к Луне и строил океанские города, а цифра еще находилась в младенчестве. Все удавалось, все шло, как велено — Алекса затаркивало. С новой цифрой возникла неопределенная, новорожденная реальность. Число дышало, пульсировало, вычислялось и, добавляясь к реальности, осуществляло самое ее. Жизнь на Земле бежала математической строкой, вычисляясь делением, умножением, вычитанием организмов, просчитывая все алгебраические возможности. Плодитесь и размножайтесь, цифры, логарифмируйтесь и умножайтесь, существа!

Вертов брел по марсианской равнине. Изможденный, несколько раз падавший — болело колено и плечо, — он шел в сумерки, за горизонт, над которым высоко-высоко вился золотистый, расплетенный в мякотную бахрому авиационный след. Его линия бесконечно стремилась к оси абсцисс, никогда не достигая ее, словно закат, в котором засыпало солнце, приближаясь к ночи, мучаясь бессонницей, зависшей компьютерной программой, вечерним светом, который ни во что не мог разрешиться, словно падение в черную дыру, и астронавт навечно приклеен к невидимой точке на горизонте событий. Алекс взывал к Земле, слал срочные телеграммы: запретите хождения в тарки, отключите форсирование и замедление. Шевцов, слышите, это се-

кретная задача, пока ничего определенного сказать не могу. Никаких цифр и документов. Эта миссия должна пройти быстро и незаметно. Дешифровки, планы сепаратистов, Дро Медар. И Бостромов решил избавиться от Вертумна. Но зачем, зачем?! Затем, что Макьявелли!

Вертов отхлебнул из бурдюка, взял шайбу концентрата. Фиолетовую. Погрыз ее и стал растирать в ладонях, опускаясь среди высоких, гривастых ковылей. То самое болотце, к которому он шел, да, именно оно, мелкое, с вязкими берегами, окаймленное ветром, лунными переживаниями. Об этом он писал стихи, о «переменных светах», когда жил здесь, в тростниковой хижине. Ты ведь знаешь, Вертов, когда удаляют вирмирк, невычищенными остаются заповедные уголки. И в твоей душе, Вертов, запечатаны тени всех предшествовавших существований, которые мы получаем в подарок от нерадивого вирмиркера.

Утро не наступило, Вертов откупоривал бурдюк и никак не мог напиться. Тяжелея и уменьшаясь, стягивал под себя пространство зыбучими песками. Из-за валунов за ним следили пустынные духи, питавшиеся страхом. Не подавай виду, не смотри, но, истончившись за месяц блужданий, упади ничком и притворись. Тогда обманешь их, поселившись среди камней, чтобы выслеживать одинокого.

Шептали духи: на теле пространства есть города, а время — распаханное передвижение между ними конечность и точность пребывания в царстве воображения перехожешь узлами силлогизма в разверстых водах открылись лунки забвения выщербленные поглаживанием воспоминаний все это терпеливо объясняет почему существуешь ты попеременно не можешь осознать себя сразу во всех местах иначе бы зачем тебе ограничение скорости света. И когда мысленно путешествуешь от пятки до подбородка дихотомия способна провести через города углубляясь во все углы так что выбираешься из остывающего кратера сна под пристальным взглядом утра словно микроскопический марко поло по холодным стенкам и на небесной щеке еще видна родинка луны.

Жажда выгнала Вертова к излучине реки между брусчаткой берегов. Говор струи и буруны стремнины сводились к контрапункту городского рынка на площади. Купола церквей и мачты колоколен отражались в лагуне, набережная влажнела, словно кафель бассейна, и в нем перекачивалось отражение собора. Алекс устало сел на камни, по-собачьи, понимая, что теперь у него есть задние и передние

лапы. Он высунул язык и, прислонив к воде, стал лакать борта лодок, ошметки пристани, вдребезги расколотый фарфор собора, пресные паруса облаков и ускользящих чаек. Собор был железнодорожным вокзалом, одним из терминалов вечности, плацдармом десяти тысяч путей сообщения. Космопортом, перенесенным из лагуны и собранным в венецианский Сан-Марко. Не утолив жажды, Вертов пошел навстречу миражу, и врата города Тикаль отверзлись и впустили его.

24.

Придя в себя, Вертов обнаружил, что привязан веревкой к дереву по примеру Одиссея, который похожим образом обезопасился от сирен. Мера была спасительной, хотя Алекс не помнил, чтобы обматывался веревкой и затягивал такие крепкие узлы, оставляя руки свободными.

Через четверть часа он готовил на костре порцию мясного концентрата. Жизнь продолжалась, интоксикация отступила. Слева была степь, справа — Каньон, площадка перед деревом испещрена верблюжьими следами. Судя по их глубине, животное с наездником оставались здесь пару дней. Тетрадь, которую Алекс спрятал в бурнусае, обнаружилась в сумке. Там же — листок, покрытый знакомым почерком.

«Я вышел на твой след три дня назад, пересекая небольшой ручей, — так начиналось письмо Бостромова. — Живя на Марсе, понемногу становишься следопытом. Ты сбился с дороги. Был без сознания. Не следовало отпускать тебя так часто в вирмирки. Интоксикация и не таких крепышей брала. Амазулова здорово потрепала.

Ты, конечно, захочешь знать правду — про «Стилобат», Анчурию, про меня, в конце концов... Я всего лишь пешка... Почему я должен был лететь сюда, стать руководителем станции, инициировать движение сепаратистов? Все было решено задолго до меня. Меня вели за руку, хотя я думал, что действую сам. Даже самые интересные вирмирки оказываются пустышкой по сравнению с реальностью, которая в очередной раз утерла нам нос.

Вертумн, прощай.

Н.Б.»

Странное письмо, которое ничего не объясняло. Бостромов, конечно, сукин сын и авантюрист, подумал Вертов, но без него было бы скучно на этой дикой планетке, где все только начиналось.

Пологий спуск вел к Каньону, который в этом месте сужался. Другой его край виднелся даже в сумерках, к рассвету Алекс достиг его. Дальше начинались «пажити» — многокилометровое поле пшеницы. Вертов шел по дорожной колее, которая, судя по карте, вела к «Вилле». В прорехе засеянного поля чернели развалины домов, заросший рощицей хутор, а потом возникло огромное строение, напоминавшее сгоревший комбинат. Это были земли «первичного освоения», где строили первые на планете здания — «шагающие заводы». Громадина как раз была одним из таких заводов, машина-фабрика. Год за годом передвигаясь, медленно циркулируя по дикой стерне, она обслуживала сотни тысяч гектаров, превращая их в плодородные земли. Первые фермеры жили на этих передвижных машинах. Много позже их стали переводить в автономный режим, а на окультуренных пространствах строили хутора, городки, виллы. Должно быть, этому «шагающему заводу» не меньше ста пятидесяти лет, а то и все двести. «Завод», целый металлический городок, выглядел исполинским промышленным самосвалом, пожалуй, даже как пара десятков таких самосвалов. Вертов поднялся на самый верх одного заводского сегмента, окислившегося и почерневшего, местами обрушенного. Неизвестно, сколько десятилетий назад здесь в последний раз был человек.

25.

Вход в поместье, обозначенный на карте как «Вилла», открывала ажурная арка с затейливой надписью, обыгрывавшей оплетку плюща: «Le Manoir De Jedd Boudouin». Джедд Бодуэн, основатель славного рода, потомки которого станут называть себя Бедуинами, был отчаянный человек. Потратив все сбережения на билет в один конец, он арендовал «шагающий завод» и на плато, где до этого не возросло ни травинки, стал сеять и собирать урожай. Еще ни один следопыт не бродил по равнинам, а первые бедуины появятся только три-четыре поколения спустя, когда марсианские Бодуэны уже славились своими сельскохозяйственными товарами во всем восточном полушарии.

Поместье Бедуинов, которое застал Вертов, находилось в своем рассвете.

Интерьеры дома подражали допотопным земным вкусам времен «Прекрасной эпохи». Кухней управлял повар из местных, сохранив-

ший кулинарные традиции, забытые даже на Земле. Вертова водили по поместью, в большой зале устроили пышный прием, а до этого показали главную семейную реликвию — под стеклом хранился тот самый билет в один конец, маленькая пожелтевшая картонка, с датой отлета, со штемпелем контролера. Собралась вся большая семья из нескольких поколений, все говорили по-французски, а дети для гостя декламировали «Пьяный корабль» Рембо.

Передеваясь в отведенной ему комнате, Вертов впервые за долгое время увидел в зеркале свое отражение. Сначала в бедуинских покрывалах, а потом в старомодной, щеголеватой одежде начала двадцатого века. Светловолосый, среднего земного роста, с правильными чертами лица, только что побрившийся и оттого сиявший белизной подбородка, он казался самому себе героем странной повести, кем-то вроде Лоуренса Аравийского в зазеркальной стране, настолько нереальной, что, может быть, расположенной по ту сторону Тикаля, внутри виртуальной обманки, порожденной «Стилоботом».

За столом Вертов поведал свою историю, умолчав о секретных делах станции и что последние три дня провел в бессознательном состоянии.

— Что вы знаете о Дро Медаре? — спросил он главу семейства, пожилого мужчину с эффектными, черными с рыжей искрой бакенбардами, совершенно грандиозными, отлого стелившимися на воротник. Его звали Джедд, как и первого марсианского предка, но уже Бедуин. Все Бедуины за столом выглядели как некие сказочные гулливеры. И чувство нереальности пронзало Алекса каждый раз, когда он задирает голову, чтобы обратиться к кому-нибудь. Красавица-внучка, марсианка на выданье, выше Вертова на две головы, не сводила с него глаз.

— Да в общем-то ничего... — ответил легкомысленно Бедуин. — Есть только слухи. Что он то ли вождь какого-то бедуинского союза, то ли авантюрист. Знаете, ведь не все бедуины «индейцы», только религиозные племена считают себя «индейцами Марса». С этой их верой в планеты-органы. Или что-то подобное. Мы не принимаем их всерьез. Да и они никому не докучают своей мифологией. Повстанцы, о которых вы сказали, появились несколько лет назад. Но, судя по новостям, не представляют совсем никакой угрозы. Мы живем в мире с местными племенами. Да и они нас очень уважают. Ведь мы тоже Бедуины, на входе в поместье об этом так и сказано. — Он рассмеялся и продолжил: — Марс очень маленькая планетка по сравнению с Зем-

лей. Деревенский вариант. Я бывал на Земле. Ни один наш город не идет ни в какое сравнение с вашими по перенаселенности. Мы проживаем тут совсем вальяжно... А этот ваш Гудвин, этот американец, знаете, несколько лет назад мы его пригласили к себе. Невыносимый человек. Уже тогда было ясно, что он сходит с ума. Расспрашивал нас про какой-то город. Выпытывал, как его найти. Думал, мы скрываем его от посторонних. — Снова смех, в этот раз уже всей семьи. — Но расскажите же что-нибудь о Земле! Жан-Жак, мальчик, что ты молчишь, ты ведь собираешься лететь, спроси же что-нибудь!

«Мальчик» за два метра ростом в черном сюртуке и белоснежной манишке сконфуженно наклоняется к Вертову и, застенчиво картавя, просит рассказать про Париж. И Вертов целый вечер рассказывает дружному аристократичному семейству земные новости полугодовой давности.

26.

Прежде чем отбыть в космопорт, несколько месяцев Вертов провел в клинике. Законник, приставленный со стороны международного обвинения, советовал не выгораживать Бостромова, наоборот, дать как можно более подробные показания против. Во-первых, он ничего не знал о делах Конгломерата и Бостромова, во-вторых, серьезно пострадал от «вирмировой интоксикации», — из этого следовало, что по делу «Стилобата» он будет проходить не как свидетель, а в числе пострадавших.

Люди в черном, представившись адвокатами от Конгломерата, тоже посещали Вертова. Запирались с ним в палате, вели многочасовые беседы. Намекали, что, вероятно, не все его воспоминания имеют одинаковую степень достоверности.

— Совершенно верно, — подтвердил Алекс, наученный законником. — Я стал жертвой «вирмировой интоксикации».

Он рассказывал про Джаддарский анклав, про побег, про бедуинов и Тикаль.

— И что было, когда вы вошли в Тикаль? — спрашивал первый «адвокат».

— Ничего, — отвечал Вертов. — Я думаю, этот вход символизировал мое желание выйти из вирмировой интоксикации.

— Выход через вход? — ерничал второй.

— Тикаль, — объяснял Вертов, — был окончательной точкой выхода из всех возможных входов или, лучше сказать, входов-выходов. Хотя за вход, вероятно, надо принять случай с Аллехом.

«Адвокаты» сменили тактику и стали вежливо настаивать, что Алекс не совсем вменяем. Что почти все его воспоминания с небольшой погрешностью можно считать за длинный вирмировский сон с редкими произвольными выходами в реальность. Третий «адвокат» сказал, что не все, отнесенное Вертовым к реальности, совпадает с действительным положением дел. Например, семья Бодуэнов вовсе не давала в его честь обед, а нашла его возле дома в бессознательном состоянии и оказала помощь. А вообще, если Алексу так хочется принять участие в суде, говорили «адвокаты» без обиняков, то проходить он будет как обвиняемый, а не пострадавший, и ответит «по всей строгости».

Законник перестал приходить. Тогда Алекс и рассказал «адвокатам» про Левкоева.

Вертову кололи успокоительные и водили в сад. Яркие сны, наполнявшие жизнь, прекратились, и он днями сидел под яблоней, наблюдая за коллегами по несчастью. У одного из кармашка больничного халата выглядывал геккон.

— Вы случайно не Левкоев? — спросил Вертов высокого, широкоплечего, очень худого человека. Тот покосился и прошел мимо. — У вас геккон в кармане. Наверное, царь халдейский?

Левкоев, а это действительно был он, схватил Вертова за грудки.

— Я Вертов, — задыхаясь, стал объяснять Алекс. — Не знаю, о чем вы подумали, но я здесь по той же причине, что и вы.

С Левкоевым они подружились и подолгу беседовали. Тот был неизменно угрюм и все время тосковал. В моменты прояснения они сидели под яблонями, и он рассказывал обо всем, что знал.

— На самом деле справиться с анчурским языком не смог бы никто, — убеждал Левкоев, поглаживая геккона. — Бостромов, чтобы избежать дешифровки, заложил в тарк мутацию языка на случай взлома. Поэтому-то при всех своих талантах и стараниях вы ничего не добились.

— Но зачем ему это было нужно? Ведь он меня за этим вызвал, для дешифровки.

— Я думаю, Бостромов уже совсем не тот человек, которого вы знали в юности. Вы ему нужны были, чтобы показать руководству, что делаются какие-то шаги. А на самом деле он вел двойную игру.

— Какую игру?! Зачем?! — Вертов горячился и жестикулировал, окружающие оборачивались на него.

Левкоев рассказывал по порядку.

Дро Медар действительно был исторической личностью, легендой, которую Бостромов использовал в своих целях. С одной стороны, образ Дро стал идейным ядром объединения бедуинов, которые уверились, что готовы встретить его после столетнего отсутствия. С другой, для Конгломерата это был правительственный проект по созданию сепаратистских сил, вызревания групп повстанцев, замаскированных под идеологическое движение «третьей ереси». Руками бедуинов намеревались захватить часть планеты. Вполне вероятно, сперва планировали «возродить» Дро Медар в виде компьютерного вируса, который проникнет в компьютерные системы колоний, а также научных станций разных государств, и обрушит их изнутри. Но «цифровое воскрешение» не было понятно бедуинам, не имело вообще никакого эмоционального подкрепления. Нужен был Дро Медар во плоти. Возможно, на его позицию рассматривали Бостромова. Но нужен был коренной бедуин, великолепный воин, умевший поднять за собой массы, нужен был военный, а не ученый, и тогда Бостромов предложил такого кандидата, который вдобавок ко всему своим выдвижением был обязан главе «Стилобата» — на роль вождя подыскали профессионального военного, спецназовца родом с Марса, который последние двадцать лет проводил спецоперации на Земле. Некоторое время все шло по плану. Повстанцы набирали силу, правительство через Бостромова тайно оказывало им поддержку. Бостромов решает, что это его звездный час, теперь повстанцы должны захватить «Стилобат», а потом и другие колонии и станции. Тогда он устраняет от руководства Акина, начальника охраны, человека самостоятельного и проницательного. Только вот того Бостромов не предусмотрел, что у Трефа на уме то же самое, что его подчинение в первое время было показными, а сам Бостромов как связующее с Землей звено Трефу перестал быть нужен. Повстанцы уже по-настоящему нападают на «Стилобат». Тут случайно обнаруживается — и я здесь непосредственный участник, — что в одном тарке воспроизводится ситуация, похожая на то, что творится вокруг «Стилобата». Дикие повстанцы и цивилизованная власть. Бостромов телеграфирует Конгломерату, что выход найден, вспоминает про своего старого друга Вертова, специалиста по языкам, который способен помочь в расшифровке языка анчурских повстанцев. Такова предыстория событий, в которые ввязался Вертов.

— Что было потом, вы знаете.

— Вы забыли объяснить самое главное для меня — зачем нужна мутация языка?

— Бостромов быстро понял, что Анчурия — это искусственный интеллект. Он скрывал это всеми силами, потому что был уверен, что в тарке вся ситуация воспроизведена абсолютно точно, и боялся, чтобы никто не разгадало его планов. Они могли стать понятными из изучения Анчурии. После того как Лжедро выступил открыто, у Бостромова был один выход: дожидаться военной помощи и подавить повстанцев. Но, как вы знаете, не успел.

— Реализуй Ник свои планы, что бы тогда было?

— Я думаю, было бы создано нечто удивительное, новое. Вся эта «экологическая тишина», «третья ересь» и другие концепции — все это идеи Бостромова. Он действительно хотел выполнить заветы настоящего Дро и объединить Марс под своим началом.

Тут Левкоев оживился:

— Я думаю, у него были на это все права. То, что вы сейчас услышите, покажется вам неправдоподобным. Ник Бостромов не был сиротой. Даже родителей не имел, поскольку был генетическим клоном человека, жившего на Марсе сто лет назад. Это ошеломительное знание он носил с детства: что он тот самый «первый марсианин», Дро Медар, который обещал вернуться через сто лет. И с детства готовился к своей миссии. — После паузы он добавил: — Теперь Бостромов ушел к своим бедуинам, скрылся среди них на много-много лет, чтобы однажды, когда-нибудь, снова...

Хорошо, что Левкоев успел об этом рассказать. Врач часто спрашивал Алекса, с кем это он беседует. Вертов пожимал плечами. А после назначения нового препарата Левкоев исчез. Не хотелось верить, что эти события связаны. Ведь не мог же он все это придумать за Левкоева. Вечера Вертов проводил на первом этаже лечебницы, ожидая по телевизионному portalу подтверждения новых сведений. Что «Стилобат» вот-вот расформируют, что «третья ересь» вместе с Лжедро объявлена вне закона, а Бостромов в розыске. Что Анчурию признали первым «истинным искусственным интеллектом», разумным вирмиром, созданным Бостромовым, который держал это в тайне, настаивая, что подобное невозможно. Но в планетарных новостях рассказывали об урожаях, об освоенной возле Скиапарелли целине, — никакого Бостромова и даже бедуинов.

Выслушав эту историю, «адвокаты» сказали:

— Никакого Левкоева не было. Сотрудник под таким именем на станции не числился.

— А Акин?

«Адвокаты» переглянулись.

— Вся эту объяснялку с Левковым в главной роли, — сказали они, — ты, Вертов, в горячке выдумал, а потом изложил нам.

Тетрадь, которая стала бы ударным аргументом, исчезла при оформлении в лечебницу. Сгинуло и письмо Бостромова.

— Все, что тебе нужно знать, это что полстанции временно пошло с ума от слияния их сознаний с Велмири, — сказали «адвокаты» в последнее посещение. — Бостромов проводил эксперименты над сотрудниками, не выводя их из Велмири, а, наоборот, связывая сознание с виртуальностью. Тогда якобы и случилось нападение бедуинов и повстанцев, а на самом деле ничего этого не было.

Конечно, так было бы выгодно Конгломерату, чтобы все временно пошло с ума и ничего на самом деле не было. Вертов подписал бумагу, что не может проходить по делу как свидетель, поскольку его воспоминания носят хаотичный и фантомный характер. А сам он страдает от серьезного нервного заболевания, полученного в результате стресса во время перелета с Земли на Марс. К бумаге в клинике приложили заключение о частичной невменяемости Вертова и невозможности использовать его показания в суде. На следующий день он покинул лечебницу с билетом в аэропорт Кассини.

27.

Добираясь к Кассини, встретишь места совершенно марокканские или тосканские, иногда мелькнет итальянская вилла или дворец в мавританском стиле. Здесь «Бедуин» бежит цветущими садами, которые в пору бесконечно длинного лета видны даже из космоса: брошенная с юго-востока горсть сиреневой пыли. Темнеет Каньон возле Жемчужной земли, перевернутую чашу горы Олимп обтекает атмосферный фронт, устремленный к равнине Амазония. Над «Стилобатом» лежат тучи, и, наверное, крошечными копытцами дождь сейчас топчет степь вокруг него.

За окном поезда длились сельские пейзажи, пригород обширной, раскидистой агломерации с дачными поселками. Когда возникали томительные остановки, казалось: сейчас появятся бабушки, спешащие к электричке. Заполнив пропыленные вагоны, повезут они в своих дачных сумочках и корзинках сквозь космические пространства провинциальный, деревенский Марс.

Вечером на стекло легли крапинки дождя, того самого, который Вертов догонял с момента прибытия. В вагоне запахло теплым, пыльным полустанком. Пока «Бедуин» стоял на очередной станции, Вертов наблюдал, как в обе стороны по перрону спешат люди. Всегда в профиль. Вот человек, похожий на какую-то цифру или букву. А по существу, это хаотичное движение, подумал Алекс, есть протекание текста, сплетение и прохождение строк сквозь цитаты из разных жизней-походок. Если уметь читать эти иероглифы, необязательно отслеживать строку до конца, достаточно извлечь несколько знаков, чтобы понять, куда ей назначен путь, как это делает программный код, особенно если научиться им управлять, — тогда он будет потакать и показывать то, что угодно Вертову.

Под перестук «Бедуина» снился шаттл на пути к Земле, а полчаса назад Вертов вошел домой. Снова Рождество, и за окном тот же медленно, умиротворенно падающий снег, искрящийся близко подлетевшими к окну снежинками, и огромный, разбросанный дисковидными жилыми массивами город светился под сходящей с небес снежной сыпью — длинными, заплетенными в снегопад лучами, подводной иллюминацией. Мегаполис-сад, совершенное творение человечества двадцать третьего века от Рождества Христова.

Как обычно, Алекс включил новостное поле и, манипулируя жеста-ми-посредниками, выбрал популярные сюжеты. Просмотрев, смахнул поле и, оставив течь через комнату медленную смену цветовой гаммы, миниатюрное северное сияние, лег в левитационный гамак.

Все давно спали. Тишина была совершенной, как в том сне, когда его сын Макс рассказал, что время повернуло вспять, и Алексом овладела окончательная, коренная уверенность, что время замкнулось, и его сны образовали длинную, блуждающую петлю.

«Теперь время пойдет назад, — думал он. — Из прошлого к настоящему. То, что на краю Вселенной, — прошлое для нас, и теперь оно движется к нам, в настоящее. Через миллиарды лет настоящее

и прошлое встретятся, и тогда наступит единственное временное наклонение: Всегда. Не будет времени и пространства — будет одно Всегда. Бесконечное, истинное Бытие. И в этот момент вся материя, все атомы и частицы, все бывшие тела и души встретятся в одной точке, из которой все вышло и в которую все войдет обратно. Как в игольное ушко. И пройдут в это игольное ушко все: и чистые, и грешные, — и сольются, и вспыхнут».

